ПИОНЕР

20

1929

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

КЕМ Я ХОЧУ БЫТЬ

ВТОРОЕ ПИСЬМО ШУРЫ КЛИМОВОЙ

КЕМ БУДЕТ ШУРА КЛИМОВА?

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Многие деткоры писали обо мне в журнале. В своих письмах они посылали меня в Лондон, называли буржуйкой, советовали работать в Барнауле и т. д.

Им легко писать, а мне, после моего письма, напечатанного в № 2 «Пионера», было не очень-то хорошо. В школе меня окрестили «миллионершей», в отряде — «Мери Пикфорд». Мои подруги отворачивались от меня, когда я к ним подходила. В классе во время уроков, и в отряде, на сборах, мне присылали записочки, в которых писали:

«Уважаемая миллионерша, пожертвуйте на школу тысченок 15, что вам стоит».

«Очаровательная Мери Пикфорд, когда же мы увидим вашу первую картину?» Даже дома и то моя мама часто говорила: «Ну, барыня, садись обедать» или «Барыня, ты бы пол вымыла».

Самое непереносимое случилось 8 марта, в день работниц. Пришел с работы отец и сказал: «Ну, артистка, нашел и тебе дело, авось меньше выдумывать будешь»... Оказалось, что летом будут набирать броню подростков на железнодорожную станцию и мне как дочери рабочего можно в броню попасть. Отец даже с месткомом договорился. Одно он только забыл—у меня спросить. Я сказала, что ни в какую броню не пойду, а, окончив семилетку, буду готовиться для поступления в кинотехникум, куда и поступлю осенью. Из-за этого у нас с отцом вышла ссора, он крикнул: «Я тебя кормил, поил, а ты меня слушаться не будешь?» и стал меня бить.

Это мне было так обидно, что сперва я хотела броситься под поезд. Но потом решила убежать из дому.

Да и как дальше оставаться в Барнауле? Все товарищи носы воротят, всячески обзывают, мать смеется, отец бьет. Да все равно если бы я и осталась, то мои родители не дали бы мне осуществить своей мечты сделаться киноартисткой. Кроме того, в Барнауле нет и кинотехникумов.

Так что со всех сторон выходило, что уехать надо. А что я седьмую группу не закончила, так это не беда— можно самой догнать.

Ночью, когда все спали, я увязала кое-какие свои вещи и спрятала их в сенях. А утром, я вместо школы, прихватив вещи, отправилась на станцию и по провизионке уехала в Новосибирск.

В Новосибирске я пошла в Окроно и сказала там, что я отстала от экскурсии, направлявшейся из Владивостока в Москву, и что билет и документы остались у руководителя экскурсии. Назвалась Таней Хватовой — это, чтобы меня не задержали в случае, если родители станут разыскивать. В Окроно мне поверили, выхлопотали бесплатный проезд до Москвы и дали семь рублей денег. Так я и ехала с литером, на котором было написано, что он дан «Татьяне Николаевне Хватовой». Вероятно поэтому меня нигде и не поймали. То-то я хохотала в дороге над своей выдумкой!

Наверно вы меня не похвалите за то, что я так нехорошо поступила. Но что же мне было делать? Раз бежать, так бежать.

До Москвы я доехала благополучно. Первым делом направилась искать тетю. Она очень удивилась, увидав меня. На второй день я пошла в редакцию.

Со мной очень по-товарищески поговорили, а писатель Николай Богданов обещал даже помочь мне устроиться в кинотехникум, хотя долго отговаривал меня от этого.

Вечером тетя пришла из школы (она учительница) и спросила, зачем я приехала. Я разревелась и рассказала ей обо всем. Потом мы с ней долго говорили.

Она хотя и недовольна моим поведением, но все-таки бранить меня не стала. Все-таки она сказала, что напишет письмо моим родителям.

Дня через четыре ходили с писателем Богдановым в кинотехникум. Оказывается, прием начнется только с лета, а занятия так и вовсе осенью.

Потом Н. Богданов один ходил куда-то и через неделю сказал, что ничего ему не удалось сделать. Этим он меня так огорчил, что я сильно побледнела. Но Н. Богданов сказал, чтобы я особенно не горевала, потому что осенью он обязательно добьется, чтобы меня приняли.

Так что я сейчас усиленно догоняю курс седьмой группы и изучаю исторический материализм, потому что он нужен для поступления в кинотехникум.

Теперь мне хочется немного ответить на письма ребят обо мне.

Ну, я правда согласна, что два миллиона это очень много. Даже, если буду половину отдавать на дело индустриализации СССР. Но все-таки для того, чтобы быть хорошей артисткой, нужно иметь очень много денег. Ведь, не смогу же я всей душой отдаться исполнению роли, если я буду знать, что мои родители живут плохо, необеспеченно, если мне самой то того, то другого не будет хватать и т. д.

Насчет домашней обстановки ребята рассуждают совсем неправильно,—что же, по-ихнему, ковры, рояли и камины делаются только для буржуев? А трудящиеся ими пользоваться не могут? Я думаю, что социализм затем и строится, чтобы все жили хорошо, имели бы хорошую уютную и веселую обстановку. Ведь, при хорошей обстановке гораздо лучше работать, чем если жить в подвале, ходить по скрипучему полу и питаться впроголодь. А я хочу хорошо работать—лучше всех киноартистов в мире.

Я отчасти соглашаюсь с ребятами — лото, карты, танцы, если только ими заниматься, бесполезная вещь. Кроме того, это и надоест.

Тем ребятам, которые пишут, что я забыла о партии и о комсомоле, я отвечу так: ведь, не все же у нас комсомольцы и члены партии? Ведь, и беспартийные могут строить социализм. Искусство тоже помогает этому строительству. А насчет кино Ильич сказал: «В настоящее время изо всех искусств самое важное—кино».

Тем ребятам, которые советуют мне стать агрономом, сельской учительницей, поступить на какие-нибудь курсы и т. д. советую самим так и сделать. Ведь я же не протестую против тех занятий, которые вы себе выбрали — почему же вы против моего занятия?

Тем ребятам, которые называют меня буржуйкой, советуют уехать заграницу и т. д. я отвечать не хочу, потому что они просто ругаются и ничего не доказывают.

С удовольствием жму руку (хоть это и не совсем по пионерски) Е. Якименко. Желаю тебе, Якименко, полного успеха в достижении поставленной тобою цели.

Ребятам, желающим сделаться киноактерами, шлю привет, как будущим товарищам по работе.

С пионерским приветом

ШУРА КЛИМОВА

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ОКТЯБРЬ
№ 20

ПИОНЕР

двухнедельный иллюстрированный детский журнал

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

РАССКАЗЫ ШТУРМАНА

ВИКТОР ЧАЛИКОВ
Рис. П. ПАВЛИНОВА

ГДЕ Я БЫВАЛ

Я—моряк. Мне 23 года. Когда-то, во время оно, был вожатым и организатором пионеротряда в Туапсе на Кавказе. Поэтому я и хочу написать вам. Несмотря на молодость, мне много приходилось скитаться по белому свету, так как с 12 лет я связан с морем. Для того, чтобы вы имели возможность судить, что вы можете от меня получить, я дам вам краткий перечень тех мест земного шара, где я бывал.

В качестве штурманского ученика на разных судах я прошел три океана: Северно-Ледовитый, весь Атлантический—до 37 южной параллели (дважды пересекал и экватор), и Индийский.

Моря, которыми приходилось плавать: Черное, Каспийское, Балтийское, Саргассово, Мраморное, Эгейское, Средиземное, Красное, Немецкое, Мар-ла-Плата, Южно-Китайское, Восточно-Китайское и Японское. Каналы: Суэцкий и Английский (Ла-Манш). Проливы: Босфор, Дарданеллы, Скагерак, Каттегат, Зунд, Баб-эль-Мандебский, Малаккский, Сингапурский, Цусимский, Формозский. Острова, которые видел: Мадера, Цейлон, Канарские, Азорские, Суматра, Никобарские, Лофотенские, Японские, Зеленого Мыса, Греческий архипелаг, Великобритания и т. д. Был в Европе, Азии, Африке и Южной Америке. Плавал на парусниках (в том числе на учебном паруснике «Товарищ» в рейсе Мурманск—Южная Америка), пароходах, и сейчас плаваю на теплоходах. Море и моряки мне довольно хорошо знакомы. Бывал в разных переплетах, и поэтому впечатлений, которыми можно поделиться с окружающими, очень много.

I

Как Петя стал рассказывать

Молодой штурман Степанов только что сменился с вахты.

Пароход „Звезда Революции“ шел Эгейским морем, называемым моряками просто „Архипелагом“. Пароход держал курс в Порт-Саид, в знойный и душный Египет. Монотонно, бесперебойно работали машины, четырехлопастные винты пенили воду, нос парохода рассекал морскую гладь. Слева от парохода маячил давно примелькавшийся, до боли знакомый черный контур острова Митилены, залитый лунным светом. Иногда, блеснув огнями, проходил встречный пароход. Пройдет и скроется за горизонтом. И опять вода и небо, черная Митилена во тьме южной ночи, уснувший пароход... Было скучно.

Степанов проходил этими местами не один раз.

Сдав вахту заспанному товарищу, Степанов, которого вся команда парахода называла просто Петей, с последним ударом склянки спустился с мостика на палубу. В течение восьми часов он свободен, но, несмотря на глухой полночный час, спать не хотелось. Проходя в свою каюту мимо красного уголка, он увидел там свет. Зашел туда.

В красном уголке не было ни души. Команда, свободная от вахты, отдыхала по каютам, за исключением вахтенного отделения, бодрствующего на палубе. На столах, после вечернего чтения, в беспорядке лежали разбросанные, замусоленные журналы, купленные культкомиссией в Новороссийске, неделю назад, перед уходом „Звезды Революции“ в плавание. Их была целая куча, всевозможных направлений и наименований. Было видно, что человек, покупавший их, обращал больше внимания на количество, нежели на качество.

Машинально просматривая журналы, Петя заметил в общей груде журнал „Пионер“, прикрытый сверху „Наукой и техникой“. Удивившись такой неожиданной находке—детей пионерского возраста на пароходе не было—Петя начал просматривать пионерский журнал. Ему бросился в глаза заголовок: „Приключения, которые мы спасли“. С правой стороны виньетки заголовка был нарисован двухтрубный пароход, слева—какие-то кубики, изображавшие, пови-

димому, льдины. Петя заинтересовался, начал читать. И вот, что он прочел в № 11-м журнала „Пионер“, под заголовком „Приключения, которые мы спасли“:

„На помощь“

Невозможно допустить, чтобы люди, у которых были замечательные приключения, так и забывали бы о них понемножку. Страшно видеть—сидит человек и где-то у него там, в голове, пропадают и перепутываются, может быть, самые интересные истории в мире.

Вот этот человек видел, скажем, Бразилию, был в бразильских лесах, охотился. Еще год назад он рассказывал о Бразилии очень хорошо. А теперь забыл. А этот человек в гражданскую войну, в горах отстреливался один от целого отряда. Теперь ему и вспомнить об этом некогда. А этот видел смерч, тайфун, Саргассово море, китайских пиратов и нигде об этом не написал.

Мы решили спасать истории, осужденные на гибель, всюду, где это возможно.

Помогите, товарищи.

Расспрашивайте, записывайте,—спасайте приключения. Все, что спасено, присылайте нам“...

Прочтя эти слова, Петя задумался.

Свежие воспоминания унесли Петю в родной городок на Черноморском побережьи. Вспомнилась теплая июльская ночь в горах. Внизу широким ковром раскинулось безбрежное море, а здесь, наверху, горел костер. Неровные полосы света падали на полотнища палаток, освещая их. А вокруг костра сидело человек сорок пионеров, и напряженное внимание запечатлелось на их лицах. Они с удовольствием слушали рассказы Пети—бывшего своего вожатого, ставшего моряком, побывавшего во многих странах, а теперь приехавшего в отпуск и по поручению комсомольской ячейки производившего обследование пионерского лагеря...

Воспоминания прервались.

— Ты прав, товарищ,—задумчиво сказал Петя, обращаясь к далекому московскому автору.—Люди, видевшие интересные места, переживавшие необыкновенное, очень мало делятся впечатлениями с окружающими. Они считают, особенно моряки, что все виденное ими (это береговому жителю и не приснится даже после чтения какого-нибудь захватывающего приключенческого рассказа) в порядке вещей, что это так и должно быть, что все это обыденно и происходит чуть ли не ежедневно. Переживая часто необыкновенное, считаешь это необыкновенное самым обыкновенным явлением в жизни, не заслуживающим потому никакого внимания, чтобы держать его в голове. Но я вспомнил, с каким интересом слушали меня ребята в лагере. Почему же не рассказать кое-что всем пионерам через их пионерский журнал? Ты пишешь: „смерч, тайфун, Саргассово море, Бразилия“... Я видел их, эти места, которые ты приводишь примерами. Я видел смерть капитана в Южно-Китайском море во время тайфуна; ловил водоросли в Саргассовом море и часами наблюдал за мелкими зверюшками, прицепившимися к ним, чтобы развлечься от океанской скуки. Возле Бразилии мой корабль прибивало к коралловым берегам и я вместе с товарищами работал по уборке и постановке парусов, проклиная кораллы, грозившие гибелью нашему кораблю. Я видел, как „культурные“ нации—англичане и голландцы—в своих колониях угнетают туземцев-полурабов арабов и малайцев...

Много кое-чего пришлось мне увидеть, несмотря на молодость, и я постараюсь, если сумею, поделиться виденным с моими друзьями пионерами. Я покопаюсь в воспоминаниях и расскажу им кое о чем. И пусть мне пионеры помогут в этом, т. к. видеть одно, а написать на бумаге другое. Я моряк, а не писатель. Пусть они скажут мне: „Петя, это неинтересно, расскажи вот о том-то“, как бывало говорили пионеры в лагере. И пусть не говорят, что у меня в голове пропадают рассказы, которые может быть интересовали бы пионеров...

...Посветлело на востоке, занималась заря. „Звезда Революции“ под всеми парами шла на юг. Каждый час лаг отмечал на счетчике лишние десять миль пройденного пути. Остров Митилена скрылся вдали, впереди показался остров Псара, а Петя сидел у себя в каюте и писал в пионерский журнал свой первый рассказ.

РАССКАЗЫ ПЕТИ

Маша и Нюра

Все вы, пионеры, конечно, слыхали об акулах, видели, наверное, их на картинке. Ну, а как ловят акул, об этом, может быть, не слыхали. Я вам расскажу о ловле акул.

. . . .

Шестнадцатилетний юнга Володя кубарем скатился по трапу в кубрик, крича во все горло.

— Братва, акула!

Команда большого четырехмачтового парусного корабля, шедшего из СССР в Аргентину, встретила слова Володи по-разному: старые матросы, не раз бороздившие воды Атлантического океана и видавшие всякие виды, недовольно проворчали, ворочаясь на койках:

— Чего ты, пацан, раскричался, спать не даешь. Эка невидаль, акулу увидел—так орать надо.

А один даже крикнул:

— Сто чертей в твою глотку, пацан, чтоб вымбовкой подавился. Эх, какой сон-то перебил.

— Ну, ну, ты, Егорыч, не авраль. Ишь, цаца какая, подумаешь, разбудили барина, — одернули Егорыча молодые ребята и, заинтересованные словами Володи, обратились к нему,—Расскажи, Володя, в чем там дело?

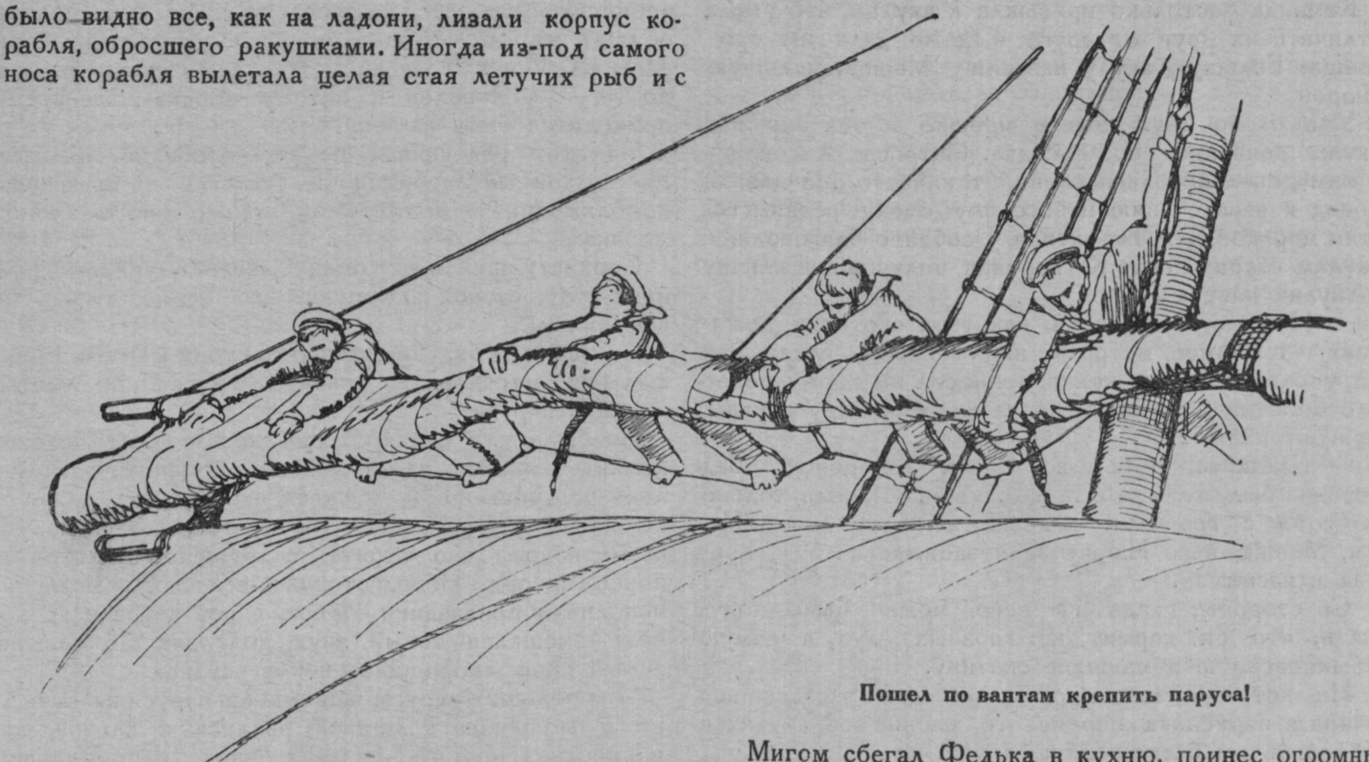
Струхнувший было Володя оправился, увидев поддержку ребят, и начал рассказывать:

— Вышел я, ребята, на палубу. Солнце уже взошло и так хорошо кругом, что и передать нельзя. Жаль только хода нет. Штилюем. Подошел я к борту на воду посмотреть, стоим или идем. Вдруг слышу, пыхнуло будто что-то. Глядь, рыбина здоровенная, плавником воду резанула и на меня поглядела. Ну, я сразу догадался: акула, мол, и шасть в кубрик вас позвать. Идем глядеть!—закончил Володя рассказ и, не дожидаясь ответа ребят, бросился по трапу наверх, на палубу.

Человек двадцать молодых матросов последовали за ним.

Красивую картину представлял океан, залитый лучами восходящего солнца. Ветер не рябил поверхность воды. Темносиние прозрачные воды, до того прозрачные, что на несколько метров вглубь

было видно все, как на ладони, лизали корпус корабля, обросшего ракушками. Иногда из-под самого носа корабля вылетала целая стая летучих рыб и с



Пошел по вантам крепить паруса!

трепетным шелестом летела над поверхностью океана, спасаясь от преследования своих многочисленных врагов, более крупных рыб. Серебряные тельца „летучек", величиною с селедку, алмазами блестели на солнце.

Молодежь направилась на корму, где Володя уже кричал, показывая пальцем на воду:

— Вот она. Да не одна—их две!

Из-под киля судна показалась маленькая рыбка. Покружилась она на одном месте и опять юркнула под судно, скрылась в глубине. Это была рыба-лоцман, очень чуткая, быстро плавающая и всюду сопровождающая акулу. Пожалуй, если бы не существовало лоцманов, акула вела бы более голодный образ жизни, т. к. она довольно плохо видит и гораздо медленнее в движениях, нежели рыба-лоцман. Акула, несмотря на свою жадность и хищность, никогда не будет есть своего лоцмана. После мы часто видели рыб-лоцманов. Эти маленькие рыбешки, появляясь внезапно, внезапно и исчезали и всегда они были вестниками появления грозной хищницы—акулы.

Так было и сейчас. Вскоре после исчезновения лоцмана появилась акула. Она была размером не менее двух метров. Не успели ребята рассмотреть ее как следует, как вторая акула, немного больше первой, появилась неожиданно откуда-то из недр океана, и они обе начали плавать вблизи судна, описывая круги и временами разрезая плавниками поверхность воды.

Молодые матросы, видевшие акул впервые, смотрели на них во все глаза.

— Ишь, как воду режет, словно броненосец,— сказал Володя.—Попадись ей на зубы, будет на орехи.

— Прожорливые они, видать, канальи. Так и шныряют вокруг—поживы ищут,—сказал помощник повара Федька и добавил:

— Вот я их, братва, сейчас угощу солониной. Посмотрим, как они жрать будут.

Мигом сбегал Федька в кухню, принес огромный кусок солонины и, разрезав его на части, начал бросать в воду.

Лениво плававшие акулы преобразились. Та, которая была побольше, стремительно бросилась на солонину, перевернулась на спину и, открыв громадную пасть так, что показались мелкие, как пила, зубы, расположенные тройным рядом, моментально проглотила кусок солонины в два кило весом. Вторая акула точно так же расправилась с другим куском. Рыбы-лоцманы, вертясь возле самой пасти акулы, урывали крохи от „барского стола". Надо было иметь большую сноровку, чтобы не попасть вместе с солониной в желудок акулы.

— Ну, теперь они от нас не отстанут,—сказал вахтенный штурман Иван Петрович.—Имейте в виду, ребята, упадете в воду, моментально будет вам каюк.

Ребята, видевшие, как акулы расправились с солониной, без слов штурмана понимали, что после того как попадешь им в зубы, действительно „будет каюк".

II

Слова Ивана Петровича оправдались. Акулы, получившие угощение, поняли его, как приглашение следовать за судном. Целыми днями кружились они вокруг корабля, попавшего в штилевую полосу под экватором.

Временами акулы на некоторое время исчезали, но потом появлялись снова. У нас получилось впечатление, что они точно усвоили время еды команды. И достаточно было кому-нибудь бросить в воду остатки обеда или повару Каспаровичу вывалить за борт отбросы из камбуза, как акулы, словно по команде, набрасывались на них и принимались за еду. Они буквально не пропускали ни одной вещи, падавшей с судна. Однажды Каспарович выбросил за борт пустой ящик из-под мясных консервов. Акулы бросились на него и, только убедившись, что дерево—вещь несъедобная, оставили в покое.

Команда настолько привыкла к акулам, что умела отличать их друг от друга и даже дала им прозвища. Большую акулу назвали — Машей, меньшую Нюрой.

Уже около двух недель прошло с тех пор, как акулы появились возле судна. Матросы относились к ним довольно благосклонно, т. к. часто они давали повод к развлечению и веселому смеху редким гостям моряков во время штиля. Особенно благоволил к акулам старик повар Каспарович, получивший кличку „Акулий пастух“.

— Ну, что, Каспарович, как твоя скотинка поживает?—смеялись матросы над поваром, глядя, как он, управившись на кухне, приносил на корму ведро с отбросами и начинал бросать их в воду акулам, приговаривая:

— Шамайте, рыбы, во славу. Хор-роший обед сегодня был, жаль ребята плохо ели. Им, ведь, только комсоме с гренками подавай, а не солонину. Ну, ты, Машка, чего Нюрку здря забижаешь. У-у, прорва ненасытная.

Со стороны, глядя на него, можно было подумать, что он кормит не грозных акул, а самую обыкновенную домашнюю скотину.

Но вот произошло одно событие, заставившее экипаж парусника переменить мнение об акулах и объявить им беспощадную войну.

III

Была у нас чудная ангорская кошка по имени „Блэки“. Блэки по-английски „Черненькая“. Английскую кличку она получила потому, что была куплена в Англии и имела черный, как сажа, цвет шерсти. Своими прыжками, играми и ласками она часто развлекала экипаж и была всеобщей любимицей. С ней и случилось несчастье.

Штилевая полоса под экватором богата шквалами, неожиданно налетающими на судно.

Качается на ленивых океанских волнах неподвижное судно. Паруса его, лишенные ветра, бессильно повисли. Полное отсутствие ветра, страшная жара и то, что неизвестно когда прибудешь в порт наводят уныние на моряков, много суток не видевших земли. Из-за отсутствия ветра парусное судно лишено возможности передвигаться, и поэтому морякам приходится отгонять прочь навязчивую мечту о береге. Не видно конца дальнему плаванию, продолжающемуся месяцами, и лишь знойное тропическое солнце обжигает оголенные тела моряков, ставших пленниками океанского простора. Как страницы длинного скучного романа, монотонно и однообразно протекают дни плавания.

Но вот, на безоблачном небе появляется небольшое облачко. Быстро, быстро, вырастая в тучу, приближается оно к судну. Через несколько мгновений жестокий ветер, доходя временами до силы урагана, налетает на судно. Океан преображается. Громадные, выше палубы волны, вздымая свои гребни, стараются поглотить в пучину корабль вместе с экипажем. Люди под грохот океана и рев ветра бросаются наверх, на мачты, рассыпаются по реям и, вися над бездной на жиденьких веревках-пертах, начинают убирать паруса, чтобы уменьшить площадь сопротивления ветру и не дать перевернуться кораблю. Через несколько минут, кажущихся вечностью, ветер мгновенно стихает, шквал проносится дальше, и снова горячие лучи солнца обдают жаром усталых моряков, утративших свои силы на борьбу с океаном. Иногда в сутки бывает до 10 — 12 шквалов и потому морякам все время приходится быть на-чеку.

На этот раз шквал не был особенно сильным. Но вахтенный штурман не заметил во-время его приближения и поэтому он принес много хлопот морякам.

Спохватившийся штурман Савельев, увидев грозную тучу, стеной несущуюся на судно, заорал во все горло:

— Все наверх. Повахтенно к своим мачтам. Брамфалы и марса-фалы травить. Пошел по вантам крепить паруса!

Но было уже поздно. Пока восемьдесят человек команды, многие из них были в кубрике, разбежались по своим местам, шквал налетел на судно и, накренив его на одну сторону так, что на палубе было невозможно стоять, с бешеной быстротой понес вперед. Неподготовившиеся люди медленно исполняли приказания. И вот, в рев ветра и грохот волн вмешался новый звук, дополнявший невыразимый хаос, творящийся вокруг судна.

Два больших паруса, сшитых из парусины чуть ли не в карандаш толщиной, рвались в клочья, как папиросная бумага, издавая звук, напоминавший залп из нескольких орудий.

Шквал пронесся дальше. Уже не с такой силой дул ветер, и редкие волны заливали палубу. Экипаж кое-как управился с парусами и теперь усталый отдыхал. Мгновенно появилось солнце и от шквала не осталось и следа. Только разорванные паруса— „стаксель“ и „второй грот“, висевшие на реях клочьями, напоминали о нем. Океан успокаивался.

И вот тут и случилось несчастье с Блэки. Как истый моряк, она выбежала на палубу посмотреть, что там делается. Этим она всегда приводила в восторг моряков. Появление всей команды на палубе, суета людей всегда привлекалиее внимание. Однако, она никогда не вертелась под ногами, точно понимая, что ее игры неуместны.

— Молодец наша Блэки. Настоящий моряк!— сказал матрос Герасим. любуясь Блэки, гулявшей по палубе.

Вдруг большая волна—последний отголосок шквала—накрыла палубу. Несколько человек было сбито с ног и теперь барахталось на палубе в воде под смех товарищей, избежавших их участи. Но внезапно леденящие кровь крики сразу прекратили смех. Это Блэки смыло волной в океан. Она кричала, как мать, потерявшая единственного ребенка Вдруг крики прекратились. Рулевой Андреев рассказывал после:

— Блэки можно было бы спасти. Она была близко. Если бы не проклятая акула. Она сразу сцапала Блэки, словно солонину. Это Каспарович, старый чорт, виноват, это он приучил акул к судну.

Вся команда, начиная с капитана и кончая юнгой Володей, была очень огорчена гибелью Блэки. Всех охватило такое состояние, какое бывает после гибели хорошего товарища. Моряки очень любят животных. На каждом судне имеется какой-нибудь представитель животного мира: кошка, собака, обезьяна, попугай или медведь. Своими играми они забавляют моряков, скрашивают серенькую, однообразную жизнь. А кошки, кроме того, приносят и пользу, ловят крыс, в изобилии водящихся на каждом судне.

На все лады ругала команда Каспаровича, а тот, тоже любивший Блэки, даже заплакал:

— Да что же, ребята, в самом деле? Разве я виноват? Если бы я знал, что акулы такими подлецами окажутся, во веки веков крошки бы им не дал.

— Каспарович здесь не при чем,—сказал капитан.— Акулы часто сопровождают суда. Особенно их много в этих местах. Но за смерть Блэки надо будет отомстить. Гаврилович, — добавил он, обращаясь к слесарю, — приготовьте большой крючок. Мы поймаем этих акул. Идемте, я дам вам размеры.

Капитан ушел. Часа два после этого слесарь Гаврилович мастерил из куска стального прута большущий крючок, а команда тем временем готовила „снасть" для ловли акулы.

На корме судна — „на юте" — стояла бизань-мачта. На нее поднимался парус—„бизань". Большое бревно —„гик", к которому пришнуровывалась в своем основании бизань, выходило метра на полтора за корму судна.

Через систему блоков команда растянула вдоль гика толстый стальной трос, один конец которого свободно опускался в воду. К нему была прикреплена небольшая цепь, в метр с лишним длиною,— это для того, чтобы акула не могла перегрызть троса. На конце цепи поместили крючок, изготовленный Гавриловичем. Этот крючок был полметра длиной и изготовлен из стального прута в сантиметр в поперечнике. Другой конец троса был взят на ручной ворот—„шпиль", как его называют моряки, помещавшийся около бизань-мачты. Восемь матросов с вымбовками в руках приготовились у шпиля.

Капитан давал последние указания:

— Как только акула возьмет приманку, сейчас же начинайте наматывать трос на шпиль. Два человека приготовьтесь со стальной петлей у борта. Когда акула покажется над палубой, старайтесь накинуть ей петлю на туловище и тяните ее к судну, чтобы можно было опустить на палубу. Да смотрите в оба, чтобы она не ударила вас хвостом. Несколько человек станьте на оттяжку гика. Будете заваливать гик по моей команде. Поняли все?

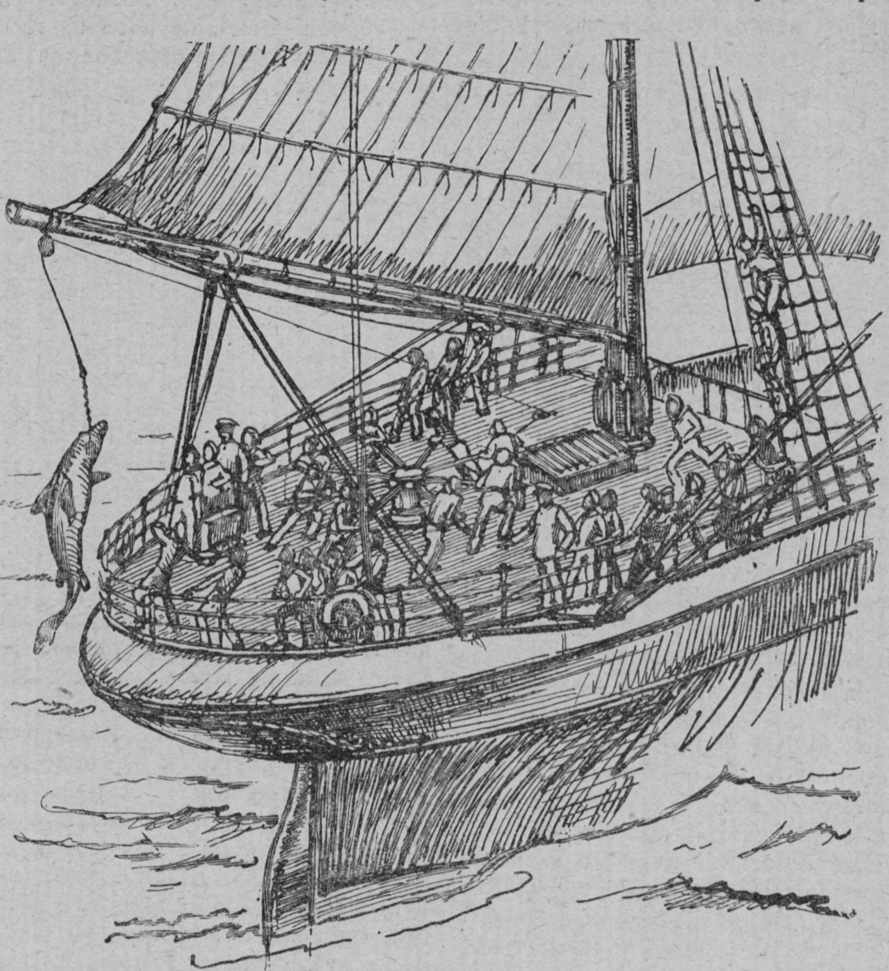
— Поняли, поняли, Дмитрий Иванович, — хором ответили матросы.

— Ну, тогда все в порядке. Притащи, Каспарович, кусок солонины в два кило.

— Сей секунд, Дмитрий Иванович,—сказал Каспарович и побежал за солониной.

Когда была принесена солонина, ее надели на крючок и опустили в воду. Акулы не заставили себя долго ждать. Прожорливая Машка моментально схватила приманку.

— Пошел шпиль!—громко крикнул капитан.



Все выше поднимается акула над водой.

Быстро закрутили ребята шпиль, наматывая трос, натянутый как струна. Синяя прозрачная вода помутнела, приняла багровый оттенок от крови акулы, бешено колотившей хвостом по воде. Мы думали, что она сорвется.

— Ну нет,—сказал Дмитрий Иванович.—Крючок захватил ее под челюсть. Не должна сорваться.

Прочная снасть казалась такой жалкой по сравнению с той силой, какую употребляла Машка, чтобы освободиться. Но ребята неустанно крутили шпиль. Все выше и выше поднималась акула над водой. И, наконец, была поднята выше палубы.

— Ну, теперь, ребята, не зевай!— крикнул капитан.— Гик на правый борт. Набрасывайте петлю!

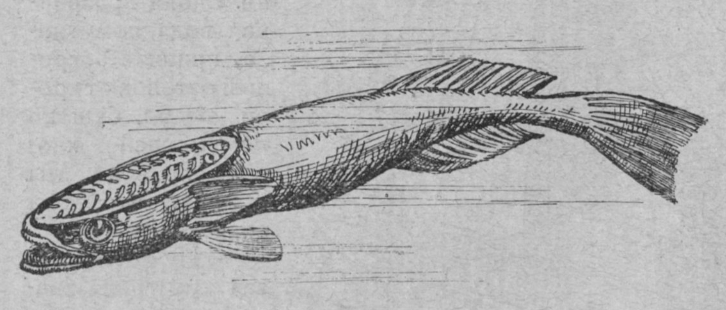
Часть ребят повернула гик под некоторым углом к судну так, чтобы можно было достать до акулы. Двое других ловко набросили петлю из стального троса на туловище акулы и стали отводить ее в сторону палубы, как делают грузчики, когда грузят тяжесть с берега на судно. Но акула ловким движением сбросила с себя петлю.

Несколько раз набрасывали ребята петлю и терпели неудачу. Наконец, их попытки увенчались успехом: петля крепко захлестнулась около хвоста, который мешал акуле сбросить ее долой.

— Заваливайте гик на середину. Та-ак. Травите трос со шпиля. Бей ее вымбовками,— командовал капитан.—Принесите топор!

Ребята ослабили трос, и акула упала на палубу, продолжая извиваться во все стороны. Бросив шпиль и выдернув вымбовки, матросы начали наносить ей удары. Град ударов сыпался на акулу, трещали кости. Тяжелые дубины-вымбовки одним ударом могли бы убить человека, но с акулой не так легко было

справиться. Она бешено скакала по палубе, разгоняя матросов, шарахавшихся от нее во все стороны. Ударом хвоста она погнула толстые железные поручни у фальшборта. Наконец, она устала, на мгновение затихла, чтобы, отдохнув, с новой силой бороться с людьми. Этим моментом воспользовался матрос-помор Кирюшка Золотухин, когда-то промышлявший на далеком севере ловлей трески и тюленей. Он вскочил на акулу и двумя ударами топора отрубил ей голову. Через несколько минут с акулой все было покончено.



Рыба-прилипала.

Усталые матросы, во время „боя" с акулой потерявшие человеческий облик, дикие, всклокоченные, похожие на пиратов, тяжело дышали.

Кирюшка Золотухин — „герой дня", обеспечивший победу и не давший акуле выпрыгнуть за борт, начал умело разделывать акулу. Было видно, что он изучил всю анатомию рыб, с малых лет занимаясь рыболовством в Ледовитом океане. Быстрыми уверенными движениями матросского ножа он разрезал брюхо акуле и, вырезав еще конвульсивно сжимавшееся сердце, моментально с‘ел его.

Ребята остолбенели. Кирюшка торжественно об‘яснил:

— Тот, кто ест сырое рыбье сердце, никогда не утонет,—так говорят старики-поморы у нас на Мурмане.

С этого момента команда называла Кирюшку не иначе, как „Пожиратель акульих сердец", что, повидимому, доставляло большое удовольствие полудикому Кирюшке...

Отрубленная акулья голова мертвыми злыми глазами привлекла внимание юнги Володи и чуть было не оставила мальчика без руки. Володя захотел посмотреть на страшные челюсти, о которых он много слыхал. Нагнувшись, он уже хотел открыть акулью пасть, когда штурман Савельев, заметив это, закричал:

— Что ты делаешь, дурак? Смотри!

Выхватив из рук матроса вымбовку, он ткнул ее в акулью пасть. Мертвая голова тройным рядом ужасных зубов впилась в деревянную дубину.

— Ты мог, Володька, остаться без руки,—сказал Савельев.—Акулы очень живучи. Были случаи, когда через пятнадцать минут после отделения туловища голова акулы конвульсивно сжимала челюсти и трудно было освободить то, что в них попадало. Один сигнальщик в военном флоте, такой же, как ты, любопытный, остался из-за своего любопытства без руки. Отрубленная голова акулы по самый локоть отхватила ему руку. Он чуть не умер от гангрены.

— Ну, ребята,—обратился капитан к команде.— Теперь давайте ловить другую акулу. Тащи еще солонины, Каспарович.

Ребята привели в порядок снасть. Нюрка тоже пошла на приманку. Подобно Машке, вытащили ее на палубу и убили. С ее кожи оторвали двух паразитов—„рыб - прилипал". Эти рыбешки, величиною с бычка, присасываясь к более крупным рыбам, с помощью небольшого овальной формы диска, помещенного у них в верхней части головы и снабженного микроскопическими присосками, на „казенный счет" совершали путешествие по океану, имея всегда под рукой „продовольствие".

Из Нюркиного желудка извлекли остатки Блэки: горсточку шерсти и хвост, которые она не успела или не смогла переварить.

— Ну, мы отомстили за смерть Блэки,—сказал капитан.—Теперь вы, ребятки, знаете, как ловят акул. Я давно хотел поймать Машку и Нюрку. Нехорошо, когда акулы долго идут за кораблем. Мало ли какой случай может произойти с людьми. Хорошо, как ни печально, что погибла Блэки. Было бы хуже, если бы ее участь постигла кого - нибудь из нас. Наше дело такое. Смотреть за собой надо в оба. Раз-два—и паспорту срок,—задумчиво добавил капитан.—А теперь, давайте увековечим память Блэки и ее убийц. И вместе с тем и нас, ставших акульими охотниками. Интересно, сколько акул мы поймаем за плавание. Кирюшка, возьми хвосты и плавники, прибей их на бугшприт. Таков обычай. Когда в море в этих местах встречаются парусные суда, команды их видят по акульим хвостам, прибитым на бугшприте, кто сколько убил акул. Это своего рода спорт.

Из позвоночников сделаете шашки для красного уголка, челюсти пойдут на его украшение. Каспарович выварит с них все мясо. Остальные снимите кожу с акул и высушите на солнце. После отдадите плотнику. У него будет запас хорошей шкурки, которая никогда не стирается,—закончил капитан, уходя к себе в каюту...

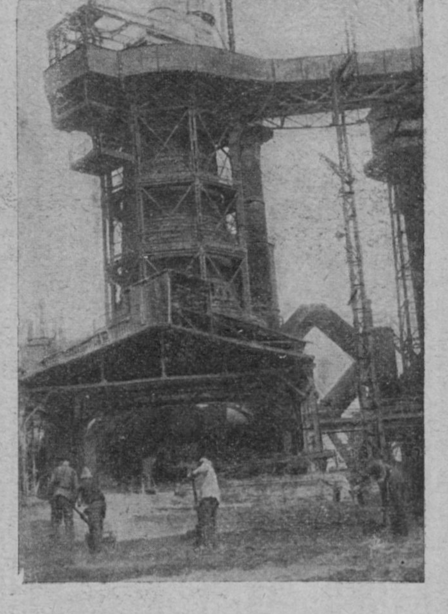
Так были пойманы наши первые акулы, положившие у нас на паруснике начало новому виду спорта от скуки—ловле акул.

КАПИТАНЫ, ШТУРМАНЫ, ЛЕТЧИКИ, ВОДОЛАЗЫ, ШАХТЕРЫ, КРАСНОАРМЕЙЦЫ, ПИШИТЕ О ВАШЕЙ ЖИЗНИ, О ВАШЕЙ РАБОТЕ, О ВАШИХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ

ДАЕШЬ ПЯТИЛЕТКУ

(Из доклада тов. Кржижановского на конференции I Всесоюзного слета юных пионеров)

ДОНБАСС



Доменная печь на Краматорском металлургическом заводе.

В своей беседе с вами я попробую остановиться на тех частях пятилетки, которые помогут вам набрасывать планы вашей собственной жизни.

Изучая материалы пятилетки, а это изучение должно быть предметом ваших постоянных забот, вы вместе с нами умственным взором будете видеть, какие громадные средства бросаем мы в ближайшие годы: миллиарды рублей, сотни тысяч работников, строителей этого дела, как мы расправляемся, сообразно особым условиям в различных районах нашей страны, как мы строим огромные фабрики и заводы по последнему слову науки, как и где мы вскрываем земные недра, добываем из них уголь и руду, как мы бросаем больше миллиона тонн торфа в чудовищные топки паровых котлов, как мы используем энергию топлива для того, чтобы пускать в ход громаднейшие электрические станции, как мы превращаем энергию вод в электрическую энергию.

Вы увидете, как мы тянем на сотни километров электрические провода, какие железные дороги раскидываем мы по всей стране, чтобы притянуть к промышленным центрам наши далекие окраины, чтобы раскрыть те края, которые до сих пор были для нас заповедными по своей недоступности.

Вы увидите, как мы всю страну подразделяем на огромные экономические районы и заботливо ищем лицо этих районов. Вы увидите, что мы по-разному строим хозяйство в тех частях, которые прилегают к западным странам, сравнительно с теми частями, которые находятся ближе к Великому океану; как мы предполагаем развернуть богатство Сибири, ее громаднейшую мощность, как мы думаем устроить эту жемчужину нашего Союза—юг, Кавказ, Крым, Украину—и все это должно быть предметом вашего тщательного изучения, которое займет вероятно многие месяцы и годы.

ПЛАН ВЕЛИКОЙ СТРОЙКИ

И однако не в этом величие пятилетки: не в том, что мы только по масштабу этих громадных работ, по этим громадным заданиям догоняем, невиданными в мировой истории темпами, в невиданные никогда по быстроте сроки, те страны, которые работали раньше нас в хозяйственной области и опередили нас. Дело не в этом.

Величие пятилетки заключается в том, что мы строим новый хозяйственный уклад, в котором господствуют другие отношения человека к человеку, чем они были во всей прежней человеческой истории, чем они есть теперь за нашим рубежом в капиталистическом мире.

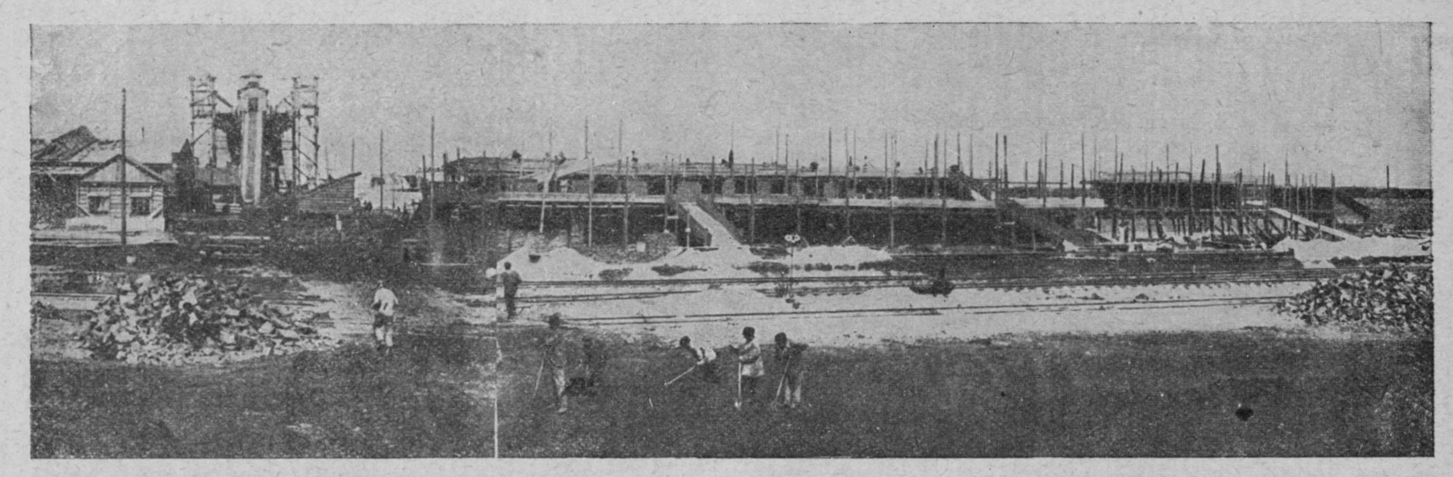
Октябрьский переворот создал первое в мире рабоче-крестьянское государство и тем самым открыл великую страницу мировой истории. Мы являемся единственной страной мира, в которой закон дается волею трудящихся, и этот закон прежде всего говорит: „Давайте строить такую жизнь, в которой исключалась бы прежде всего эксплоатация человека человеком. Давайте строить такой товарищеский коллектив труда, в котором исчезали бы самые корни эксплоатации, возможность за несчастием миллионов строить свое личное счастье. Давайте строить силами этого многомиллионного трудового коллектива такое хозяйство, которое учитывало бы каждый народно-хозяйственный ресурс, каждую копейку, которое в кратчайший срок подчинило бы воле трудящихся те могучие силы, которые таятся и в согласованном трудовом коллективе, и в окружающих этот коллектив стихиях природы. Давайте строить социалистическое общество".

И вот величие пятилетки в том, что она показывает конкретные пути к построению этого социалистического общества. Только такое общество явится обществом, осуществляющим девиз, о котором мечтали наши поэты, когда они говорили: „Человек создан для счастья, как птица для полета".

Это строительство новое, небывалое во всем мире мы совершаем, опираясь только на собственные силы, во враждебном окружении, при яростном сопротивлении врагов—защитников старого мира, ибо осуществление этого строительства говорит о том, что их мир—старый мир—приходит к концу. Наши успехи—для них зарез. В этой борьбе мы строим, рассчитывая на свою энергию.

О ЧЕМ НЕ МЕЧТАЛ ЖЮЛЬ ВЕРН

Ребята, многие из вас увлекались путешествиями, повестями и романами Жюль Верна. В чем сила этого писателя, почему он так увлекал юные умы? Юный ум невольно тянется всегда к тому, что ему неизвестно. Жюль Верн вел в заманчивые неизведанные дали, которые говорили о том, как с величайшими трудностями, в борьбе с силами природы, осуществляются поставленные человеком цели. Этим он умел привлекать к себе внимание юных умов.



Вы должны подготовить себя к учебе и работе, чтобы суметь найти в пятилетке не менее увлекательный материал. Все шансы на это имеются. В самом деле, вспомните, как Жюль Верн строил свои романы и повести? Он был большим энтузиастом техники и он старался показать в этих романах и повестях, как эти чудеса техники в своеобразной установке воплощаются в жизнь, изменяют условия жизни, как много они дают людям. Но, товарищи, те чудеса техники, на которых мы строим наш хозяйственный план таковы, что о них Жюль Верн даже не мечтал.

Могучее развитие техники XX века оправдало все бурные мечты Жюль Верна. Пятилетка показывает, как эти технические чудеса уже сейчас превращаются в действительность, и как они в нашей дальнейшей действительности, в грядущей пятилетке, будут развертываться в ряд гигантских достижений.

ПО НЕИЗВЕДАННЫМ КРАЯМ

Правда, Жюль Верн любил водить своих читателей по девственным лесам, степям, пустыням, по неизведанным краям. Наш Союз велик. У нас тоже есть девственные леса, у нас тоже есть свои пампасы. Жюль Верн любил выводить героев науки. Наша пятилетка как раз знакомит с громадными таинственными богатствами нашего края, еще неизвестными, она выводит также своих героев труда, героев науки и она показывает нам, может быть, не хуже, чем Жюль Верн, какое великое чудо—все достижения этих героев, потому что сделаны они на человеческом материале и тех богатствах, которые в этой семье народов имеются.

Жюль Верн не догадывался о том, что те чудеса техники, которые он описывает, подрывают капиталистический строй. А мы в нашей пятилетке показываем, что к этим чудесам техники присоединяется еще и другое решающее чудо, присоединяется сплоченная, по-новому организованная воля трудящихся, которая и превращает отсталую страну в передовое государство мира.

ДВА ЧУДА ПЯТИЛЕТКИ

Поэтому, ребята, надо подготовить свои умы к тому, чтобы находить этот увлекательный материал в обширных трудах, которые есть и которые будут, когда мы будем в дальнейшем совершенствовать и развивать материал наших перспективно-хозяйственных планов.

Я сказал, что два чуда соединяются в нашей пятилетке—это чудо усвоения завоеваний техники и чудо по-новому организованного человеческого коллектива. В этом и заключается материал пятилетки в этом его иллюстрация.

Какой же вывод отсюда для вас, куда вы должны направить вашу умственную работу?

Прежде чем подойти к изучению пятилетки, нужна какая-то сумма предварительных знаний.

Строится березниковский химкомбинат.

Что нужно в первую очередь?

Надо сочетать математическое образование и образование естественно-историческое.

Что такое математика, ребята?

Это настоящая дисциплина ума, это крылья ума, юные товарищи.

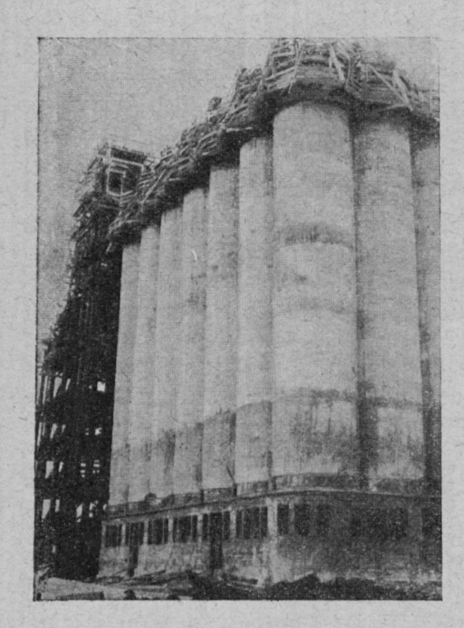
А что такое естествознание, умелое изучение естествознания?

Это значит, что вы оттачиваете ваш умственный взор, изощряете вашу наблюдательность, и только изощривши наблюдательность, изощривши взор, вы сумеете видеть жизнь такой, какой она есть.

РАСКРОЙТЕ ГЛАЗА МИЛЛИОНАМ

Помните, что страна советов правильно считается союзом трудовых республик, особой страной, освобожденной от прежних цепей труда. История труда по мере

УЗБЕКИСТАН



В Ташкенте строится элеватор вместимостью в $16^1/_2$ тыс. тонн зерна.

того, как вы будете ею заниматься, покажет, какую мучительную борьбу, долгую борьбу должен был испытать человек для того, чтобы осуществить эту давнишнюю мечту, для того, чтобы создать невиданное еще в мире государство— Советский трудовой союз, истинное отечество трудящихся. Для вас будет все более и более ясно, как велико то дело, за которое вы боретесь, почему оправдываются все те жертвы, которые влечет за собой эта борьба. Тогда вам будет понятно, почему в пятилетке есть одна железная ось, одна общая решающая установка.

Какая ось, какая установка?

Мы говорим: пятилетний народно-хозяйственный план тогда правильно построен, когда в нем учтены все условия, все обстоятельства организации и технической вооруженности труда. Изучая историю мирового труда, мы пришли к такому выводу, что, как агент труда, человек одновременно и мал и велик. Он мал, поскольку он опирается на свою физическую энергию. Человеческая сила, как агент производства: это самая дорогая, самая мало-продуктивная сила. Но человек, вооруженный своей духовной, изощренной энергией, прошедший известные дисциплины знаний, он не знает себе соперника в мире, здесь он непобедим.

В ЧЕМ ЗАДАЧИ ПЯТИЛЕТКИ

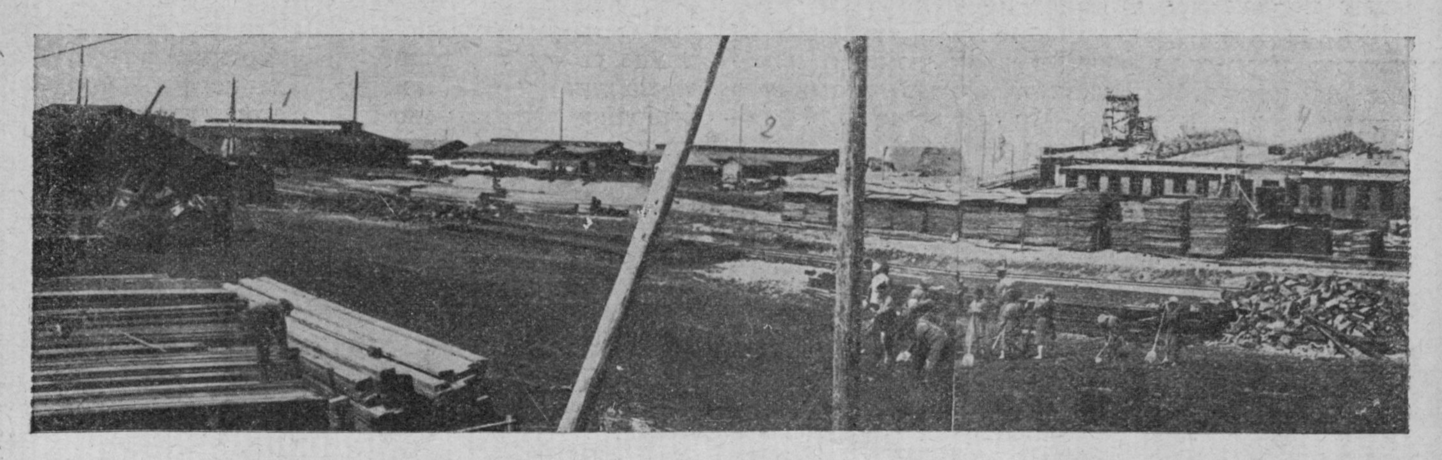
Как-то так построить хозяйственный строй, чтобы физический труд был заменен, елико возможно, больше работой автоматов, стальных машин и как-то высвободить, как можно больше, духовную энергию человека, ту энергию, в которой он не знает себе соперников.

Изучая историю труда, изучая историю развития машин, вы будете видеть, как машина имеет как бы два фланга, два конца. С одной стороны находится исполнительный механизм этих машин. Какова задача этого исполнительного механизма? Он в стальном автомате как бы заменяет человеческие руки, ремесленную ловкость, профессиональные навыки этих рук. Другой конец машины это то, что в железном автомате впитывает в себя энергию природы и дает движение машине, та часть, которая является двигательной частью.

Изучая историю машин, мы пришли к такому выводу, что XX век для нас характерен, прежде всего, развитием, гигантским развитием этих машин-двигателей. Мы дошли до величайшего совершенства в использовании разнообразных сил природы, дошли только тогда, когда мы научились и силу ветра, и силу водяной энергии, и силу пара, и силу жидкого топлива в различных моторах, двигателях пускать в ход сообразно нашей воле и желанию, заставлять работать и машины и двигатели.

Неоценимую услугу оказывало нам здесь знакомство с электрической энергией. На наших глазах сила электричества становится все более и более решающей, когда мы думаем осуществить то или другое производственное дело. И вот, когда вы ознакомитесь с историей труда и подготовитесь к такому усвоению технических знаний, которое эту историю будет легко связывать с историей машин и историей усвоения различных энергий, вам станет ясно, почему именно такой рисунок пятилетки, а не другой имеется перед глазами; тогда вы поймете, почему борьба за металл, за машиностроение, электрификацию является тем основным ключом, которым мы думаем открыть двери нового хозяйственного строя. Вы увидите, почему мы так, а не иначе действуем рычагами химии и физики для того, чтобы все стихии природы сделать послушными человеческой воле.

Но та же история труда вас заставит тщательно изучить те страницы пятилетки, которые говорят вам о культурной работе, говорят вам об отношении человека к человеку, об общественной организации труда. Вы увидите, что много лет борьбы мы должны были иметь за своими плечами для того, чтобы противопоставить жизни капиталистических государств, где трудящийся попадает в плен религиозного дурмана, противопоставить новую власть, власть рабочих и крестьян, противопоставить хозяйство, строящееся для личных интересов хозяйству, строящемуся по плану, рассчитанному на приведение в движение не отдельными единицами, а огромным коллективом социалистического народного хозяйства.



ЗАВОД В ПУСТЫНЕ

Очерк НИК. ПОГОДИНА
Рисунки СТЕПАНОВОЙ

I. Серая станция

Станционный парикмахер скучал. Не те времена. Не те. У его предшественника, который теперь уехал, кажется в Оренбург, было много богатых и требовательных клиентов. Они требовали душистые одеколоны, для них в особом ящичке лежали накрахмаленные салфетки. А брить... не скажите. Чтоб щека стала атласом, чтоб сияла глянцем. Да, были такие посетители парикмахерской на станции Джусалы. Были, да сплыли.

А теперь—тишина. Мать-пустыня вокруг, пески, солнце, ветры. Ветры, солнце, пески. На востоке свинцом отливают дали и расплавленным металлом заката пылают песчаные равнины на западе. Под вечер по оранжевым барханам расположатся лиловые тени. Поглядишь вокруг, подумаешь про могучие наши земли. Только свету и радости.

В поездах проносятся люди мимо барханов через пустыню, устало глядят на желтые равнины за Аральским морем и редкий из проезжих заметит, запомнит станцию Джусалы.

Кто-нибудь станет брюзжать:

— Говорят на востоке красиво. Ну какая же тут красота?

Еще кто-нибудь подумает вслух:

— Сторонка!

И на том обычно кончается любознательность пассажира, который способен неутомимо храпеть на верхней полке по всему протяжению пути, хотя бы и в десять тысяч километров.

А станция Джусалы тем более непривлекательна для взора, что нет в ней ничего такого, что бы могло запомниться. Серая, построенная по форме, она обреченно глядит своими запыленными окнами вслед таким же серым вагонам среднеазиатских поездов. На зубах у жителей противно скрипит песок. Парикмахер бессердечно бреет по железнодорожному тарифу мечтательного телеграфиста, который уезжает вечером в Казакстанский город Кзыл-Орду свататься, о чем все вокруг знают и значительно сплетничают.

Жители казакстанских степей, пришедшие на станцию к поездам, стоят в своих шапках, похожих на купола буддийских храмов, и страшно лениво спорят... о чем? Им не важно. Можно спорить просто ни о чем и говорить ни о чем, если не о чем говорить. Вот неизвестный скупщик скота пьет водку, крашенную под цвет жатой вишни. Будет весел скупщик скота, если допьет графин до дна или не будет весел? О том и спорят казаки с серьезными лицами.

Ну вот и вся жизнь станции Джусалы. Ничего приметного. Ничего. Однако, ровным счетом 35 лет тому назад англичане заприметили станцию Джусалы. Они-то умели наблюдать. Люди большой энергии, большой воли однажды высадились на Джусалах с множеством чемоданов и каких-то приборов. Чего им было нужно? Кругом пески, пустыня, тьма. То-то и оно! Представители какой-то английской фирмы обшаривали глухие углы земного шара. Они хорошо знали историю земли, ее строение. Им было достоверно известно, что на северо-восток от станции Джусалы в пустыне лежат руды цветных металлов, что дают медь, цинк, свинец и серебро.

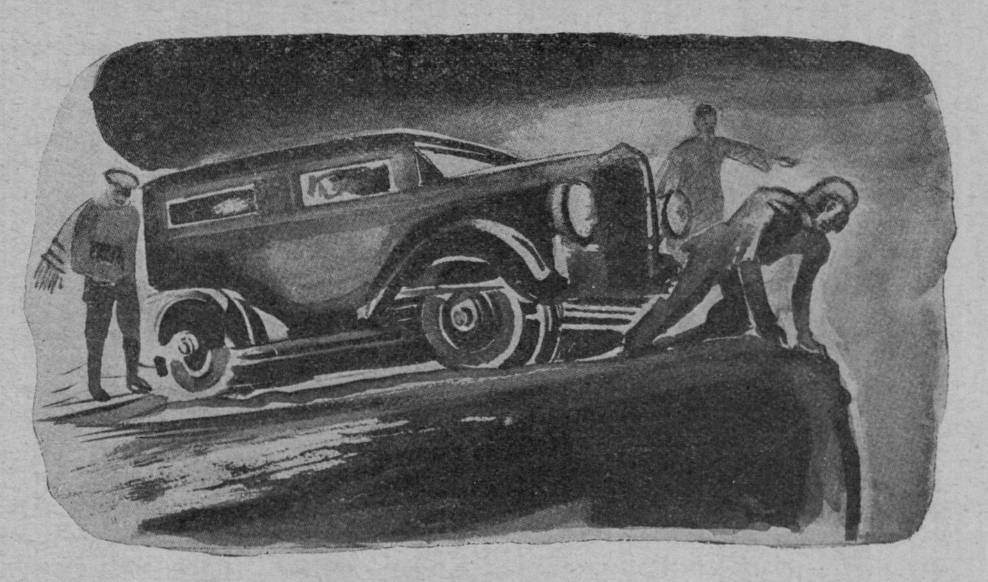
Англичане придумали умное и грандиозное дело: осторожно, без особого шума отхватить себе лучшие участки в степи, сесть хозяевами в нынешнем Казакстане, развить здесь промышленность цветной металлургии, взять себе медь, а там... там видно будет. Царек в России на троне сидел. Немудренный царек. Дурковатый. К тому же царек Николай Романов доводился какой-то родней английскому королю. С царем русским было нехитро дела делать, а что касается министров поумней, подальновидней, то, во-первых, для них царево слово—закон, а во-вторых, министров купить можно. Делалась тут большая мировая политика, а самая суть политики этой была весьма проста. Медь в военном деле—главная сила. Чем больше меди имеет государство, тем больше у него сил для войны. Вот и вся суть политики. Англичане захватывали нашу медь. По началу возводятся заводы, у заводов строятся английские колонии. А потом, ежели бы Россия не пожелала подчиниться мирно английскому владычеству над промышленностью цветных металлов, то можно было бы захватить военной силой нынешний Казакстан и Алтай. В Индию сначала тоже попы, купцы, промышленники приезжали, а потом Индия стала колонией Англии.

Через пять лет после появления первых английских разведчиков в 375 километрах дикого пути ст. Джусалы, у речушки Голодной на урочище Карсак-пай-аша[1] возникло предприятие медеплавильного дела. Здесь был заложен первый кирпич—символ чего-то будущего, никому неведомого. Строительство продолжалось двадцать пять лет, вплоть до Октябрьской революции. Были тут большие ошибки, да сама пустыня и населеление ее злобно приняли заморских гостей. Но место для постройки медеплавильного завода было выбрано удачно—между месторождениями каменного угля и месторождениями медных руд. Во главе дела в Лондоне стоял знаменитый капиталист Уркварт, имевший медеплавильные заводы на Алтае и Урале. Октябрь разбил вдребезги его планы.

После революции, после настойчивых, страшно запутанных, но явно кабальных для страны Советов предложений, исходивших от Уркварта, засви-

[1] В переводе на русский язык: Карсак—лисица, пай—помещик, аша—человек. Иначе сказать: помещик Лисицын.

стели пески по дорогам, замели пути к недостроенным, почерневшим сооружениям на Карсакпае. Уркварт злобно отступил. Станция Джусалы совсем опустела. Казаки легко забыли англичан, которых боялись, ненавидели и не однажды порывались истреблять... Иногда парикмахер вспоминал о медеплавильном деле: у его предшественника было больше выгодных клиентов.



Фонари освещали глубокий спуск.

2. Сухое море

Кто такой Нурей Иванович?

Ашуг,[1] меняла или живодер?

Людям, приехавшим из Москвы на станцию Джусалы, был бы приятен даже разбойник, лишь бы он знал дорогу в Карсакпай. Нурей Иванович ими принят с большим облегчением. Он помнил путь к английским постройкам, куда ходил с караванами. Хотелось сесть в шайтан-машину[2] многим казакам, чтобы иметь «заработка» за провод начальников, но дорог уже не было на урочище Карсакпай-аша, и урочища того не было. Его купили английские гости, гоняли рабочих на речку Джезгы, через Ак-мулу, а может, и стороной, возили машины, хлеб и вино и чудные какие-то кровати, шириною в арбу. Потом англичане вдруг скрылись. Постройки остались. А где постройки? Пустыня—что море: плыви, ищи...

— Нет,—уныло отвечали казаки,—не можем искать.

Нурей Иванович предложил, что он найдет местность Карсакпай, ибо, если земные приметы обманут его, то скажут правду небесные—звезды-джулдус.

— Пойдем, ялдаш... где-нибудь будем искать. Там люди живут... человек человека всегда найдет,—философствовал старый татарин, с которым волей-неволей надо было отправляться в пустыню советским организаторам медеплавильного дела.

Они имели большие государственные задания, суровые приказы Феликса Дзержинского, и проводника, полагавшегося на джулдус. Советское правительство, вопреки безнадежным и язвительным предсказаниям Уркварта о судьбах нашей цветной металлургии, нашло средства для осуществления медеплавильного дела, но начиналось предприятие, в самом деле, путешествием по звездам, ибо к ночи Нурей Иванович сказал, вздохнувши:

— Сожрала пустыня все дороги. Будем, ялдаш, глядеть в глаза аллаху.

Заместитель председателя Гомзы, Степан Дыбец, ехавший строить завод, думал с большим сарказмом: «Дело начинается разговорами с богом. Это—работа. Уркварт знал кое-что, когда говорил: «Пойдите, порыскайте, а мы посмотрим»... И рождалось чувство соревнования, спора, самолюбия... В конце-концов, наши провалы в добыче цветных металлов имели бы тяжелые последствия для государства. На этом, почти никому неизвестном участке социалистической индустриализации люди брались сдавать еще один экзамен, не безынтересный для капиталистического Запада.

Ночной пронзительный ветер прокалывал иглами руки, обжигал сухим холодом лица. Шофер Егорычев—силач и искусник—ругал бога, джулдус и Нурея Ивановича по очереди. Лежала удивительная тишина пустыни, о которой ни стихами, ни музыкой не расскажешь. Егорычев вдруг затормозил так, что застонала машина, и крикнул с восторгом насмешки над проводником:

— Приехали.

Фонари освещали глубокий спуск. Впереди простирался огромный провал без границ, без горизонтов, точно земля уходила куда-то далеко вниз на неведомом своем изломе. Смутным мерцанием синих ночных теней глядела устрашающая неизвестность.

— На самый край приехали!—кричал Егорычев.

— На какой край?

— На край земли...—деловито ответил бывалый шофер и закурил в знак полной безвыходности положения.

— Вот бы получился кордебалет, ежели б нам спрыгнуть туда при всей амуниции,—мечтал он вслух.

А Нурей Иванович по-вольчьи нюхал воздух, осторожно отошел от автомобиля, стоял, гадал, шептал:

— Так, так... это будет море.

— Море, а воды нету?.. Голова.

— Сухое море. Когда мой дед не был, когда дед моего деда не был, тогда тут вода была,—повествовал тихо татарин, знавший по преданиям истории об исчезнувших огромных озерах Казакстана, подобных Аральскому и Балхашу.

Егорычев кричал Нурею Ивановичу хрипло и строго в околдовывающей тишине, танцуя от раздражения на берегу этого полулегендарного погибшего моря.

— Тут твой дед не при чем... Куда ехать? Пассажиров растеряем по морям?!

У Степана Дыбеца лежало в кармане удостоверение больших полномочий. Был он назначен директором медеплавильного комбината... Какого?.. Где?...

[1] Ашуг—восточный жрец.

[2] Автомобиль.

3. Черный кишлак

Как странный мираж пустыни, что в полдень является на одном и том же конце горизонта и заставляет подумать кочевника о том, чего не бывает, как призрак, стоял Карсакпай. Казаки, проходя своими сезонными аулами—в глубокую степь по весне и осенью на кистау, [1]—видали ненужный шпиль трубы, черные балаганные крыши, разорванные буранами, длинные тени строений, не подходящих ни для чего.

— Кара-кишлак,—говорили они, усмехаясь.

Черный мертвый кишлак.

На что надо было людям уродовать степь и пустыни Кзыл-кум—красных песков, если медь на Джез-Казгане [2] копали люди—не чета теперешним, и только они оставили славу о себе. Казаки их называют своими предками, русские именуют «чудью» — незнаемым таинственным племенем, но кем бы ни были древние медеискатели, по их следам ходили русские издавна, строили трубы, зажигали огни и бросали городские постройки стоять черными кишлаками навсегда.

Повидимому, такая же участь постигла Карсакпай.

А если взойти на большой бугор в полуденный час высокого солнца и привстать на седле, то увидишь, как разукрашена дикая степь, которая не имеет ни зелени пышных злаков, ни серебра ковылей. Земля здесь сухая, черствая, каменистая, но красивая, как халат бухарского богача.

На севере, где курятся сизые туманы, ты увидишь голубые пятна лазури, которые будут расстилаться неправильными рисунками, точно пьяный маляр прошел по степи и расплескал свои краски на многие сотни километров. И упрямые блики темной мумии заспорили с нежной глазурью, и смешалось тут все, как мешаются безумные краски в голове персиянок, ткущих ковры. Степь засверкала узорами свинцового блеска, кругами, следами гигантских лап и звездами китайской киновари, свежей охры, спелой крови, стыдливой и злобной яри. Проступили черные узоры каменного угля, змеевидными полосами глянула красная ржавчина руд, матовыми полями показался гравий, ослепительно засиял асбест и что-то розовое, как крыло пеликана, дрожит вдали на южном горизонте под высоким солнцем.

Одичалые люди караулили завод.

Если же ты захочешь узнать, что означают цветные росписи казакстанской степи, то направься в местность, именуемую Джез-Казган, на старые чудские штольни. Там огромным полукругом простираются медные рудники, разъединенные площадками и отвалами. Эти рудники были заложены в годы бронзового века и разрабатывались с «высшим применением» современной им техники.

Неведомые промышленники переработали в Джез-Казгане около миллиона тонн руды и получили 10 000 тонн чистой меди. Мы дивимся мужеству пионеров медеплавильного производства, но позеленевшие эти отвалы политы кровью рабов. Только немыслимой для нас каторгой Тамерлана можно было построить эти рудники в пустыне. В наше время здесь почти никому не давалось счастья.

В 1820 г. вышел в степь промышленник Попов, которого называют разведчиком степных богатств. Он искал только серебро и добывал его в своих рудниках с такими невзгодами, что дело его прекратилось совершенно печально. За столетие возникало так же и умирало не менее ста металлургических предприятий. Степь очаровывала и будила азарт, но, как романтическая красавица, отворачивалась от гостей своих, которые в большинстве были безграмотны и алчны. Иные уходили отсюда совершенно разоренными, более цепкие занимались «столбопромышленностью»—захватывали месторождения металлов, устанавливали на отводах столбы, затем запродавали рудные массивы. В таком деле проявлялось много ума, энергии и хитрости. Немногие работали долго, упорно, культурно. Так, после революции осталось в степи два предприятия, обещавших жизнеспособность. Спасский медеплавильный завод, где, однако, сгорела обогатительная фабрика и наполовину устроенный Карсакпайский комбинат, куда и вез московских новых промышленников татарин Нурей.

4. Одичалые люди

Жили на Карсакпае какие-то терпеливые люди. Шесть лет ждали они радости, внимая страшным буранам зимы, когда кажется, что вся Сибирь— от тундры и Байкала — бросает на южные равнины свои тучи снегов. В дни весны, когда могучая распутица ревет в пустыне и реки несутся, теряя русло, они совершенно пропадали для внешнего мира на своем одичалом островке. О том, что они еще живут и о чем-то беспокоятся, по всей земле знало десятка два людей: кто-то в ВСНХ, кто-то из родичей. И они не полагали себя одинокими, так как преувеличивали круг учреждений, занятых вопросами меди, поверив в свои собстенные выдумки. У них была коммунистическая ячейка... Хорошая?.. Плохая? У них, ведь, не с чем было сравнивать, их никто не учил дисциплине, правилам, этике. Они могли бы поддаваться сомнениям в отношении судеб революции, ибо о событиях, возникавших за пределами пустыни, узнавали через год. Они караулили завод, рудники и шахты, но над ними смеялись проезжие казаки и птицы, жившие под кровлями металлургических корпусов. Внутри завода можно было охотиться за дичью. Они существовали мелкой распродажей кое-какого имущества, потому что зарабатной платы им не присылали, и они даже для проформы не составляли смет. Кому они продавали металлургические принадлежности и как не вы-

[1] Зимовки.
[2] Буквально: мед копали.

мерли в глухие годы, когда за двигатель ста сил здесь бы никто не дал пресной, замешанной с травами, лепешки? Это был бред, а не жизнь, и оттого они забыли все. В конце концов, они тихо запили. Водка проникла и сюда.

Надоели они друг другу до такой степени, что перестали сплетничать даже о том, кто о чем думает. Дел у них не было. Лишь о мертвом сподвижнике однажды сердито записали в протоколе какого-то собрания, что умер он смертью, позорной для коммуниста: перед последним издыханием потребовал бутылку водки и, не получивши удовлетворения, с руганью скончался. Очевидно, пил... Но если бы к ним прибыл гонец и сказал: «Бросайте все!»—они бы не ушли. Они бы стали ждать другого курьера из Москвы, который скажет правду. Привычка и вера создают подвиги. Кучка несчастных, оголтелых в своем одиночестве людей спасла завод от грабежей и огня.

Они не требовали награды у московских представителей. Награда была в том, что бред пьяного сторожа, как он будет чинно ходить под электрическими фонарями Карсакпая с настоящим казенным свистком, престал быть бредом. Мы все возносимся на высоте своих достижений. Может быть, сторож плакал?..

Взорам деятелей советской промышленности открылись печальные виды. Приходилось спать на широчайших кроватях сбежавших джентльменов, где можно было лежать не менее уютно поперек, чем вдоль, но плохие снились сны на английских кроватях, а действительность являлась хуже снов, по мере того, как вещи обнажали свою правду.

Англичане проработали в пустыне четверть столетия и поставили дело на 60%. Одну треть их строительства совершенно реально стерло время. Если бы даже можно признать, что медеплавильный комбинат готов наполовину, то как можно через два года дать медь? Феликс Дзержинский иначе не мыслил. С оговорками, сомнениями, просьбами пойти к нему никто бы не взялся. Непреодолимая необходимость вызвала этот срок. Задачу понимали все, но директор мертвого предприятия Степан Дыбец, рабочий-инструментальщик, вообще смутно представлял флюсы, концентрацию руд, преимущества пылеугольного топлива и организацию железнодорожного дела. К тому же—пустыня... Она должна явить какие-то свои особенности, а какие—чорт его знает!

Англичане были ошеломлены сказочным количеством ядовитых змей, засевших по чудским рудникам. Змеи принесли серьезную угрозу: буровые рабочие отказывались выходить на работы. Казакам было предложено истреблять змей по рублю за голову.

В первый день кампании к вечеру у рудничной конторы лежала гора дохлых зеленых гадин. Казаки заработали тысячу рублей. Ошеломленные расходом, англичане каждый день к вечеру снижали цену на змею и дошли до трех копеек. Товар продолжал поступать. Оттого новые организаторы думали тревожно и уныло: «Какие здесь составляют сметы?» Змеи—анекдотично? Но во что здесь обходится крепежный лес, пара кирпичей, бидон нефти?

Позади—375 километров безводного пути, целин и рытвин с какими-то высохшими морями. Впереди — бураны зим, когда человека несет, как былинку, и его выпускают из жилья на веревке, а потом тянут на себя и дико кричат:

— Отзывайся!

На седьмой день со станции Джусалы на верблюде пришла телеграмма из центра, в которой требовалось экстренно составить смету на постройку медеплавильного завода.

5. Верблюды

Так вот... Москва приказывала писать сметы.

Учитывать суммы будущих расходов можно было, так как цены электрической арматуры известны по прейскурантам, равно стоимость рельс, дробилок, форсунок, насосов и пневматического инструмента. Даже плавильная печь пылеугольного топлива (первое в Европе технологическое устройство), которую собирались строить на нашем заводе, не вызывала трудных финансовых вычислений. Копи Бай-Канур и медные рудники Джез-Казган открывали обследователям размеры своего запустения. Материала для смет было достаточно, можно было все посчитать, если бы не этот простой, примитивный и страшный дорожный вопрос.

По сути более или менее культурных норм, отделен был завод от железной дороги гигантским провалом. Это было бездорожье, безводье, безлюдье, пустота, погибель в самом подлинном смысле таких определений. К тому же в распоряжении завода не имелось ни одной колымаги и ни одного колеса для колымаги,—накануне гигантских перевозок, бешеного темпа, какого требовало правительство. Старожилы предполагали, что килограмм дерева будет стоить столько же, сколько килограмм печеного хлеба. Ни у кого нехватало духу первому сказать панические слова. Все казались бодрыми, копаясь в архивах англичан и надеясь найти разгадки многих узлов.

Истины открывались, но какие... Если бы Карсакпай был соединен гужевыми дорогами с магистралью железной дороги, если бы здесь ждала заданий сплоченная транспортная сила, чем располагали в свое время англичане, так по их размерам годовых перевозок последний килограмм груза пришел бы на завод через 8 лет. Железом, деревом, мукой, цементом, шпалами, машинами и паровозами надо было перебросить через пустыню 33.000 тонн груза. Организаторы сводили этот неопровержимый учет с тем же чувством, с каким полководцы считают врагов, замкнутых в кольцо.

Какая тьма!.. Два года... Один молодой инженер, работавший над сметами, изможденный

под натиском заданий, падал в обморок. У него были нездоровое сердце и восприимчивые нервы. Его отливали, и он хохотал, принимаясь писать:

— Пойдем мы под суд... Такой индустриализации нас не учили!

Повинуясь влиянию местного колорита, все незаметно одичали. Заседания являли странную картину—не то запорожцев, составляющих письмо турецкому султану, не то фальшивомонетчиков. За столом, где лежала буханка хлеба, стояли кружки, чайник и керосиновая лампа; в свободных позах сидели люди, полураздетые, взлохмаченные и злые. Они работали, тошноту табака запивали чаем, ели баранину и спорили без соблюдения регламента. Они не могли составить комиссий и технических бюро, поставить итальянские письменные столы и повесить телефоны для согласования. Их было всего шесть человек, и оттого они продолжали свои заседания в сподниках и босиком, сидя на английских кроватях.

К достижению главной цели, по мнению одних, могли бы привести автомобили, по решительным утверждениям других,—верблюды. Считать было не трудно: 35 тыс. тонн груза—значит 12 тысяч рейсов автоединицы, а эта цифра в свою очередь означала 200 грузовиков, которые должны были, не позже чем через месяц, открыть здесь сообщение, поставленное по-американски. Защитники автомобилей опускали руки. У них не было на Джусалах просто сарая для одной машины, а дороги?

Но верблюды!..

Это животное принесет четверть тонны за семь дней, затем на обратный путь потратит пять дней и опять принесет четверть тонны, а потом пойдет кормиться куда-нибудь за триста километров. Верблюд сделает тебе два рейса в год и ты получишь, скажем, средний воз цемента. Достижение!.. Пусть на-круг при перевозках гужом каждый верблюд даст заводу даже полторы тонны материалов... С ума можно сойти, вообразив только, какое количество верблюдов должно окружить завод... Вообще—что это такое?.. Исход народов, Вавилон?.. Индустриализация на верблюдах?.. Анекдот?

Начальник транспорта, без транспорта и верблюдов, твердил непрестанно, упорно, угрюмо:

— Верблюды—наше спасение.

...Вот страна! В один и тот же час, в одном и том же протоколе были записаны два следующих постановления: 1) пригласить ученых для электроразведки, 2) организовать верблюжий транспорт. То и другое—в ударном порядке.

— Это же библия!—со смехом, в котором звучала горесть, говорили наши промышленники.

— Пусть!—стоял на своем транспортный начальник

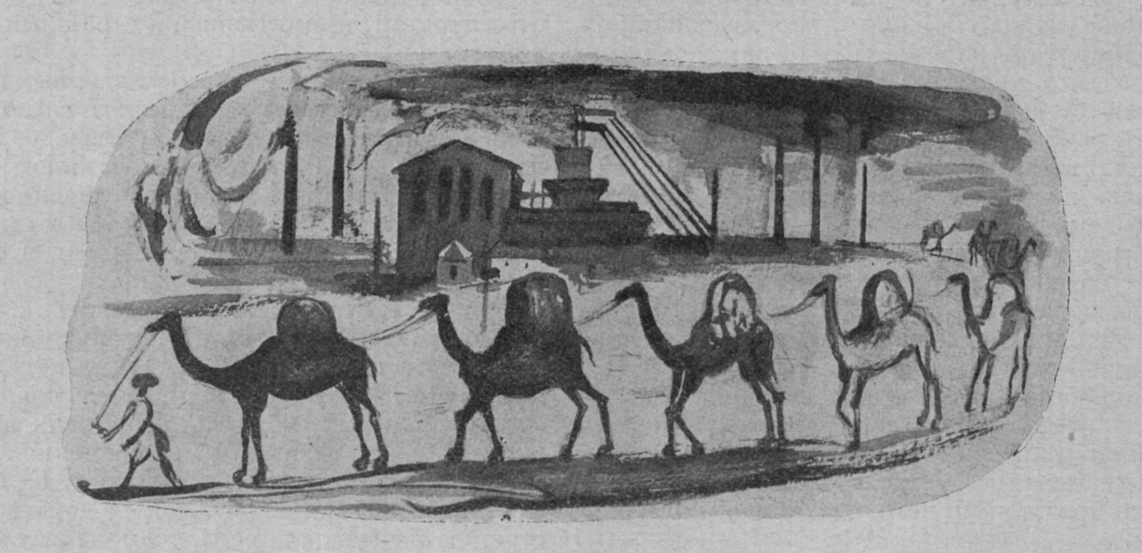
— Как будем докладывать президиуму ВСНХ? Верблюжий трест... Ужаснутся и засмеют.

Потом даже в прессе, в серьезных статьях руководителей советской промышленности, прорывался этот смех по поводу карсакпайского верблюжьего предприятия. У Дыбеца спрашивали московские директора с ехидностью друзей:

— Как твои верблюды? Кричат?

— Да,—отмахивался заметавшийся человек.— Там, брат, покричишь!

(*Продолжение очерка читайте в следующих номерах*).



ТОВАРИЩИ! СТРАНИЦЫ ЖУРНАЛА ОТКРЫТЫ ДЛЯ ВСЕХ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ ДЕТКОРОВ И НАБЛЮДАТЕЛЬНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ. РЕДАКЦИЯ УДИВЛЕНА, ПОЛУЧАЯ ОЧЕНЬ МАЛО ЗАМЕТОК ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ ДЕТКОРОВ. РЕДАКЦИЯ УДИВЛЕНА, НЕ ПОЛУЧАЯ ОЧЕРКОВ ОТ ЧИТАТЕЛЕЙ, ЖИТЕЛЕЙ САМОЙ ИНТЕРЕСНОЙ В МИРЕ СТРАНЫ—СОЮЗА СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК.

ОБСУЖДАЕМ ДЕТСКИЕ КНИГИ

ГРЯЗНОВ—„ИСКАТЕЛИ МОЗОЛЕЙ“

Во всяком произведении, описывающем работу пионеров, герои „стопроцентны“, к „беспартийным массам“ они относятся покровительственно. Неорганизованные все до одного — хулиганы, мешающие пионерам и в конце ставшие пионерами.

И. Грязнов автор книги „Искатели мозолей“ сумел избежать этих недостатков. Фабула повести несложна.

Вся книга написана в виде записей отдельных ребят. Каждый пишет главу со своей точки зрения и получается очень живо. Я бы сказал, что при чтении „И. М.“ кажется, будто кто-то рассказывает это. Кажется, что живешь вместе с Колькой, Жекой, Эльдиткой.

Язык сочный, наполненный прибаутками, словечками красноборских пионеров: „счастливый путь, хоть век не будь“, „командир полка—нос до потолка“, слабо и еще, и еще и еще—разве это не живые выражения, разве мы их не слышим у нас? Язык бодрый, живой, соответствующий общему тону повести.

Недостатки—их очень мало. Во-первых, неправдоподобно написана погоня Эльдитки за хулиганами, во-вторых, плохо, что Грязнов не описал жизни пионеров до Ленинстроя, и в-третьих, неудачно выражение: „Я бы сделала не Ленина, а Чарскую“.

И все.

Выводы

1. Книга—удар по хулиганству: разумный труд интереснее битья стекол, а она учит разумному труду.
2. После „Республики Шкид“ она лучшая в нашей литературе для ребят старшего возраста.

„Искатели мозолей“—в школы и отряды.

Чл. литкружка А. Копштейн.

Самому хочется поработать

В повести „Искатели мозолей“ слишком много фантастического. Напр., дело с постройкой моста—слишком быстро построили мост. Дальше, когда мальчики поехали за журавлями и мимо них плыли утки (так у Грязнова), то дикие утки совсем не испугались ребят, как-будто они впервые повстречались с человеком, и в то же время Грязнов пишет, что там уток истребляли в большом количестве; значит, утки должны были бояться людей. Но, несмотря на недостатки, книга интересная и хочется самому поработать по примеру красноборцев.

Б. З.

Написана завлекательно

Эта книга похожа на „Два года каникул“ Жюль Верна. Ленинстрой так же неправдоподобен, как и „Два года каникул“. Как это так: маленькая группка привлекла до пятисот ребят? Кто им мог помочь? Ведь, все ребята, отряды разъехались. Неправдоподобна охота на журавлей. Правильно описано хулиганство. Больше ничего правдивого в книге нет. Написана она завлекательно, но когда прочтешь, так подумаешь: какая это чепуха.

„А. Т.“

Мало правды

Журавли помогают в сельском хозяйстве и т.д., но что могут сделать два журавля? Для трех журавлей столько тратить и так далеко ехать, в то время как они могли купить их на месте за те же деньги. Стычка с охотником неправдоподобна. Очертить фигуру Ленина они не смогли бы. Это смог бы сделать только инженер. Фролка и Балбес типы правдоподобные.

С. Л.

Ребята!

Вы прочли разбор и обсуждение „Искатели мозолей“.

Книга спорная, в ней много недостатков, но вместе с тем она нужная книга. То время, когда ребята не принимали участия в „приготовлении“ книги (а так было до Октября), миновало.

Теперь для того, чтобы знать, нравится ли ребятам книга, спрашивают у самих ребят: „Прочтите, ребята, „Искатели мозолей“ и выскажите на страницах „Пионера“ свое мнение“. Читается она легко (ведь, даже „враг“ книги, который выступал в „Пионерской Правде“, говорит, что она „завлекательная“) и скучать вы не станете.

А с „Пионерской Правдой“ мы не согласны.

ЖИТКОВ—„УДАВ“

Госиздат, 125 стр.

Книга эта разбиралась на литературном кружке Херсонской центральной детской библиотеки.

Вот что заявляли ребята:

Книга захватывает читателя

Вообще, „Удав“—для старшего возраста, хотя Житков и издатели предназначили ее для среднего возраста. Книга написана ясно, понятно и не затрудняет читателя.

Язык литературный, красивый и действует на воображение читателя; очень много хорошо описанных мест: игра в карты, ожидание девятого человека, борьба с удавом; характерно описана закулисная жизнь.

Житков избежал большого недостатка, который часто встречается у некоторых писателей: у них все идет, как по маслу, а вот Житков с первого момента захватывает читателя. Книгу можно рекомендовать старшим ребятам.

Е. М.

Написана от нечего делать

Очень трудно определить, на какой возраст рассчитана эта книга. В ней все как то попутано:

1) Завязка книги—растрата—заинтересует только старших ребят.

2) Дальше, когда герой попадает в цирк, тут Житков хочет развеселить произведение—переходит на тему среднего возраста.

3) Описание детского утренника в цирке—сценка, которая заинтересует только младших ребят.

По-моему, чтение книги вызывает интерес потому, что сначала в ней нельзя разобраться. Книга мне не нравится. По-моему, **книга написана от нечего делать.**

А. Г.

Книга в цирк не заманит

Книга предназначается исключительно для старших ребят, для взрослого она не годится. Книга никого из подростков в цирк не заманит и растратчиком не сделает.

Л. А.

Книга плоха.

Литература должна бороться с недостатками общества, а тут растратчика, картежника, лишнего человека учат жалеть.

А. К.

Два мнения

Спорили мы и не согласились.

О книге—два мнения.

Первое: „Удав“—очень художественно и хорошо написанное произведение. Хорошо освещена жизнь цирка, но недостаток тот, что Житков завязкой сделал растрату.

Это и вызвало некоторое недоразумение. В общем книга хорошая и ее нужно читать **старшим** ребятам.

Второе: Плохо связаны две темы, идеологически невыдержана (заставляет жалеть растратчика), рассчитана на любителя сильных ощущений.

Книгу забраковать.

С каким мнением согласны вы, ребята?

Ячейка „Друзья Библиотеки“, г. Херсон

КИП **ИНЖЕНЕР-ПИОНЕР**

№10

ЧТО ТАКОЕ ИНЖЕНЕР-ПИОНЕР? ПИОНЕР, КОТОРЫЙ ХОЧЕТ СТАТЬ ИНЖЕНЕРОМ, ИЗОБРЕТАТЕЛЕМ, ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ. (Из устава КИП'а.)

ИЗВЕСТИЯ КЛУБА ИНЖЕНЕР-ПИОНЕРОВ

МЫЛОВАРЕННЫЙ ЗАВОД

Члены КИП'а, помните свой устав. Организуйте мастерские, учитесь работать. Мы вам поможем. В каждом номере "Известий КИП'а" мы будем печатать "Фабрику на столе". В этом номере идет "МЫЛОВАРЕННЫЙ ЗАВОД". Научиться варить мыло—совсем нетрудно. Пусть сваренное вами мыло будет на первых порах хуже мыла ТЭЖЕ. Но зато это будет мыло, сделанное вашими собственными руками.

1. С ЧЕГО НАДО НАЧИНАТЬ

Что легче: построить маленький завод, который целиком помещается на столе, или большой завод, занимающий площадь в несколько гектаров.

Конечно, маленький завод построить легче.

Но ход работы остается один и тот же и тогда, когда большой инженер строит большой завод, и тогда, когда маленький инженер строит маленький завод.

Оба они должны начинать с одного и того же—с р а с ч е т а.

Если вы будете строить завод без расчета, получится такая чепуха, что вас подымут на-смех.

2. ДЛИННОЕ ПАЛЬТО НА КОРОТЕНЬКОМ ЧЕЛОВЕЧКЕ

Никто не станет покупать пальто без примерки. Коротенькому человечку нет никакого смысла покупать пальто, сшитое на высокий рост, а длинный человек ни за что не согласится напялить на себя пальтишко, сшитое на коротенького человечка.

Инженер тоже ничего не должен покупать или строить без примерки. Если поставить огромный котел на крошечную печку или крошечный котелок на огромную печку, это будет не только смешно, но и неправильно. Огромный котел никак маленькой печкой не нагреешь. А для маленького котелка строить слишком большую печку—это всеравно, что из пушек стрелять по воробьям.

Значит, непременно нужен расчет.

3. ТРИ КИЛО МЫЛА В ДЕНЬ

Знаете ли вы, с чего каждый инженер начинает постройку завода?

Он спрашивает:

— Какова будет производительность завода? Сколько тонн или кило в год, в месяц, в день будет выпускать завод?

Производительность завода—вот что надо знать, чтобы начинать расчет.

Вам тоже надо, прежде всего, решить: с к о л ь к о к и л о м ы л а б у д е т в ы п у с к а т ь в а ш з а в о д?

Предположим, вы будете варить мыло раз в день и при каждой варке вы хотите получать три кило мыла. Значит, производительность вашего завода: три кило в день.

4. РАСЧЕТ КОТЛА

Для варки мыла придется достать железный или чугунный котел. Какой он должен быть—большой или маленький?

Опытные люди говорят: котел надо взять такой, чтобы в нем могло поместиться не три кило мыла, а втрое больше, т. е. девять кило. Об'ем одного кило мыла равен одному метру. Значит, надо взять котел емкостью в девять метров.

Для чего же такой большой? Для того, чтобы мыло не ушло через край во время варки. Ведь, мыло, когда его варят, пенится и подымается, как молоко.

Давайте все расчеты делать на три кило мыла. А если у вас котел будет другой величины, вы легко все пересчитаете, помня такое правило: н а к а ж д о е к и л о м ы л а н у ж н а е м к о с т ь к о т л а в т р и м е т р а.

5. ОБОРУДОВАНИЕ

1. Форма для сливания мыла—ящичек подходящей величины.
2. Деревянная лопатка для помешивания мыла.
3. Три или четыре бутылки.
4. Ведро для воды.

Стенки и дно формы надо изнутри выложить жестью, чтобы мыло не прилипало.

6. ЛАБОРАТОРИЯ

На каждом заводе должна быть лаборатория для контроля, проверки работы.

Для того, чтобы определить, готово ли мыло, нужны только

о п ы т н ы й г л а з,

ч у в с т в и т е л ь н ы й к о н ч и к я з ы к а

и д в а п а л ь ц а п р а в о й р у к и—б о л ь ш о й и у к а з а т е л ь н ы й.

7. СЫРЬЕ

М ы л о в а р я т и з ж и р о в и щ е л о к а. Это—главные материалы. Жиры берут разные—топленое говяжье сало, подсолнечное масло, льняное масло и т. д. А щелок приготовляют так: покупают в москательной лавке каустическую соду и растворяют ее в воде.

8. ВАРКА МЫЛА

И з к а ж д о г о к и л о ж и р а в ы х о д и т п о л т о р а к и л о м ы л а. Значит, жира надо взять два кило. Возьмите два кило топленого говяжьего сала. каустической соды надо взять 450 гр. и растворить в одном литре воды. Растворить можно в котелке и потом слить в бутылки.

Теперь приступайте к варке.

Загрузите сало в котел, налейте туда четверть всего заготовленного щелока и поллитра воды. Поставьте котел на небольшой огонь и варите, все время размешивая. Все скоро должно смешаться в одну кашицу, похожую на мед. Если не смешается,—добавьте чуть-чуть воды. Потом, не переставая мешать, подливайте понемногу остальной щелок, давая мылу каждый раз вскипеть. Продолжайте варить до тех пор, пока мыло не будет готово. А чтобы узнать, готово ли оно, сделайте вот что: возьмите с лопатки немного мыла большим и указательным пальцем и раздвиньте пальцы. Если мыло вытянется в длинную нитку, значит, его надо еще поварить, чтобы ушла лишняя вода. Если никакой нитки не получится, надо добавить воды. А если нитка получится, но не длинная, а коротенькая и притом она сразу оборвется, так что на пальцах останутся короткие хвостики,—ну тогда, значит, мыло готово.

Надо еще попробовать на язык: готовое мыло только слегка щиплет.

Если вы видите, что мыло готово, бросьте в котел пригоршни две-три соли. От этого мыло сразу всплывет наверх, а лишняя вода, соль и другие примеси останутся на дне. Вы увидите это потому, что мыло будет стекать с лопатки не сплошной струей, как раньше, а крупинками.

Тогда снимите котел с огня, дайте мылу отстояться и слейте его в форму.

На другой день разберите вашу форму. Порежьте мыло проволокой на кусочки и на каждом поставьте клеймо:

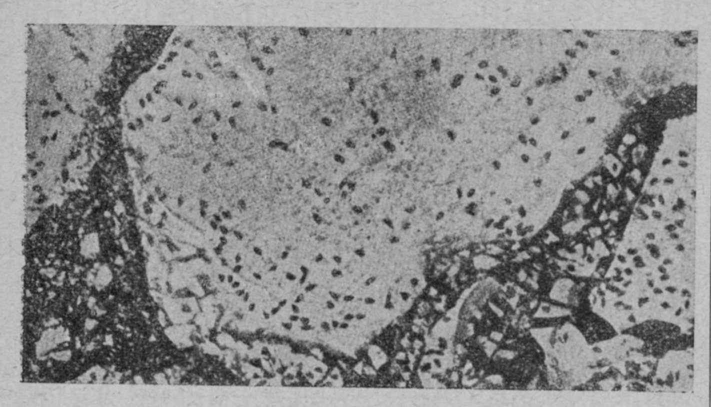
МЫЛОВАРЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ N-го ОТРЯДА. МОСКВА.

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

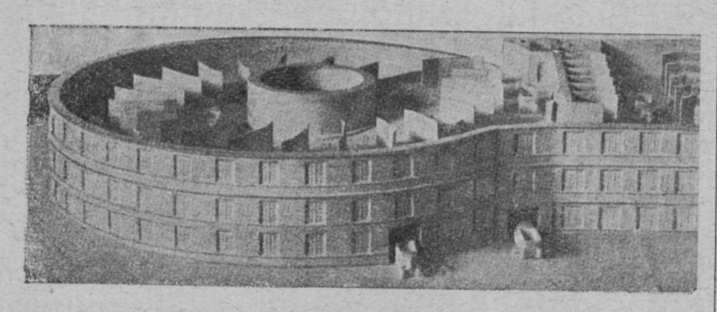
ФОТО-ЗАГАДКИ КИП'А

Разгадки внизу

1. Как по-вашему, что это такое? Мрамор? Или какой-нибудь другой камень?



2. Что это за здание?



3. Что это за самолет? Если приглядитесь внимательнее, вы увидите, что у этого самолета нет пропеллера. Каким способом он приводится в движение?

4. Верхняя часть того же самого самолета. Что у него на крыше—фонарь или что-нибудь другое?

РАЗГАДКИ

1. То, что кажется мраморной плитой, на самом деле—поверхность Ледовитого океана, снятая с аэроплана. Черные пятнышки на льдинах—тюлени.

2. Это здание—модель большого гаража. Крыша снята для того, чтобы можно было разглядеть внутреннее устройство. Для каждой машины в гараже особое отделение. Перегородки поставлены так, чтобы машинам удобно было маневрировать.

3. Это не обыкновенный самолет, а самолет-ракета. Из трубы на крыше вылетает струя раскаленных газов. Построил этот самолет инженер Валье в Германии.

4. На крыше не фонарь, а выводная труба ракеты.

НОВЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ПРОФ. ЧЕПУХОВСКОГО

(Продолжение)

— Надо вам показать еще одну вещицу. Она, кажется, здесь, в ящике.

Проф. Чепуховский взял штопор, всадил его в ящик стола, завинтил и потащил ящик к себе.

Я заглянул в ящик и ахнул от удивления.

В ящике стояла коробка со стеклянной крышкой. Под стеклом прыгали и резвились блохи. Блохи были большие, штук десять.

— Для чего это вам?—спросил я профессора.

— Видите ли,—отвечал профессор,—я работаю сейчас над новым способом передвижения. Из всех способов передвижения по-моему самый совершенный тот, которым пользуются блохи. Одним прыжком блоха проходит расстояние, которое в сотни раз превышает длину ее тела. Странно, что изобретатели летательных машин взяли за образец не блоху, а птицу. Полет птиц изучали десятки людей, а прыжками блох никто до сих пор почему-то не заинтересовался. Я намерен этот вопрос исследовать со всех сторон и построить приспособление, с помощью которого люди будут прыгать так же хорошо, как блохи.

Вот, поглядите.

Проф. Чепуховский открыл коробку, и прежде чем я успел отскочить в сторону, две или три блохи выпрыгнули из коробки и очутились на свободе.

— Что вы делаете?—вскрикнул я в ужасе.—Закройте скорей. Ведь, они нас искусают!

— Молодой человек,—сказал проф. Чепуховский, закрывая коробку.—Вы должны иметь в виду, что я человек науки, а люди науки не боятся жертв. Ради науки я готов пожертвовать жизнью. Но раз вы боитесь, я готов отложить свой опыт до другого раза. А сейчас я вам покажу аппарат для прыганья, который я уже построил.

ПРУЖИННЫЕ САПОГИ

Профессор Чепуховский открыл ящик комода и вытащил оттуда пару сапог. Сапоги были прочные, с толстыми подошвами. К каждой подошве приделана была большая стальная пружина—вроде тех, которые бывают в пружинных матрацах.

— Вот,—сказал профессор,—этой паре сапог суждено преобразить мир. Через несколько десятков лет слово «ходить» исчезнет. Будут говорить: «я прыгаю на службу», «я прыгаю в гости». Экономия во времени получится огромная. Ведь, при некотором навыке можно будет делать прыжки во много метров. Хотите попробовать?

Я вежливо отказался. Мне вовсе не хотелось вернуться домой с разбитым носом. Ведь, для меня это был совершенно новый вид спорта.

— В таком случае,—сказал профессор,—я сам надену сапоги и покажу вам, что в этом способе передвижения нет ничего страшного.

Профессор уселся на кровать, снял ночные туфли и натянул на ноги пружинные сапоги. Потом он попробовал встать. Но едва только он поднялся с места, как его грузное тело закачалось на пружинах из стороны в сторону и шлепнулось обратно на кровать.

— Гм, вот что значит—непривычка,—сказал профессор.—Помогите мне встать.

Я подал профессору руку и помог ему подняться. Стоя на пружинах, профессор качался, как пьяный или как корабль во время бури.

— Теперь,—сказал он,—я попробую прыгнуть. Я буду считать до трех. Когда я скажу «три», отпустите меня.

— Раз, два, три!

Профессор присел, выпрямился и с силой оттолкнулся от пола. Перед моими глазами мелькнула в воздухе его крупная, грузная фигура.

Тр... рах! Послышался страшный грохот, звон сыплющихся осколков. Я понял, что произошло, только тогда, когда все уже было кончено.

Профессор Чепуховский неподвижно лежал на полу под огромным трюмо. Из-под резной верхушки трюмо видны были только ноги моего ученого друга, с пружинами на подошвах. Вокруг валялись бесчисленные осколки зеркала.

Я энергично принялся за раскопки, вытащил профессора из-под трюмо и вылил ему на голову целый графин воды. Профессор открыл глаза.

— Как... вам... понравилось?—прошептал он едва слышно.

— Поразительно,—сказал я. Но как вы себя чувствуете?

— Неважно... со-тря-сение всего орга-низма. Положите ме-ня на ди-ван.

Я с трудом перетащил профессора на диван и пошел в другую комнату—позвонить врачу.

Когда я вернулся, профессор сказал мне все еще слабым голосом:

— Я ду-маю, такие же пружины надо будет приделать к подковам лошадей. Пусть тоже пры-гают.

Зав. клубом инж. Ильин

В ЦИНКОГРАФИИ

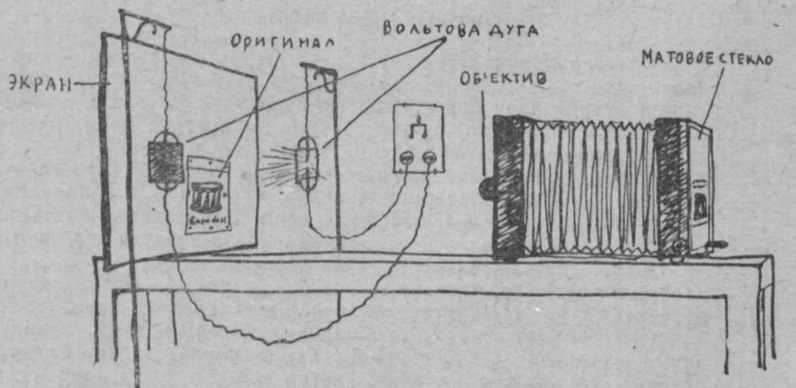
Очерки и иллюстрации Я. ТАЙЦА

На днях меня т. Кассиль, автор „Кондуита“ (вы, конечно, читали), спросил:

— Вы, говорят, знаете, как делаются клише, с которых печатаются иллюстрации в книгах. Расскажите, в чем тут дело.

Видно, у них в Покровской гимназии этого не проходили. На его вопрос я решил ответить на страницах „Пионера“. Ведь, всем читателям будет интересно узнать, как делается клише, а особенно тем ребятам, чьи рисунки были напечатаны в журнале во время конкурса.

Пойдемте в цинкографию и по дороге побеседуем. Должен вам сказать, что не все клише делаются в цинкографии.



Клише бывают на меди, на стали, на дереве, на резине, на воске и т. д. Но те клише, которые печатаются в „Пионере“ делаются на цинке, почему они и называются цинковыми, а то предприятие, где их изготовляют,—цинкографией. О других сортах клише, не цинкографских, поговорим в другой раз, если захотите.

Вы, наверное, часто видели где-нибудь на бульварных скамейках или на коре деревьев ножом вырезанные буквы, слова: „Коля, здесь сидел С. Иванов, Любочка“ и пр. в таком же роде. Возможно, что вы сами иногда грешили и портили перочинный нож и школьную парту, вырезывая свои инициалы. Но навряд ли вам приходило в голову, что вы в это время занимались изготовлением клише. Если скамейку с вырезанными надписями покрыть черной краской и если кто нибудь, ничего не подозревая, на нее сядет, то, когда он встанет, мы увидим отпечаток, где на черном фоне будут выделяться надписи со скамейки. А клише это и есть всякая такая дощечка, с которой печатаются рисунки.

Но если нам захочется получить наши инициалы черными на белом фоне, то легко сообразить, что нам надо будет вырезать дерево кругом букв, оставив их выпуклыми. Так сделаны, например, резиновые печати (которые тоже есть вид клише), такими же выпуклыми (или как еще говорят—высокими) клише являются печати, которыми штемпелюют марки на конвертах.

Если нам дадут какой-нибудь рисунок и скажут: вот сделайте с этого оригинала клише на цинке, то мы как можем поступить? Мы можем срисовать этот рисунок на цинковую пластинку, а потом выскоблить все лишние места, оставив только линию рисунка. Но как бы мы ни старались, хорошо не получится, от руки точно не срисуешь, а ножом скоблить цинк—каторжная работа. Гораздо умнее сфотографировать оригинал, скопировать с полученного негатива рисунок на цинк, а все лишние места вытравить азотной или соляной кислотой, в которых цинк растворяется.

Так и поступает цинкография, куда мы как раз и пришли.

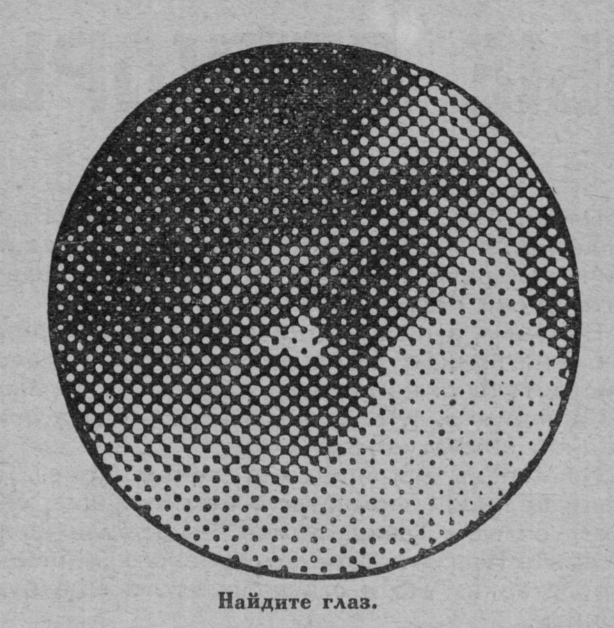
* * *

Вот фотографическое отделение.

Как видите, здесь стоят громадные фотоаппараты, такие громадные, что при их помощи можно снять карточку величиной с газету. На столах стоят бутылки со всякими химическими растворами, стеклянные пластинки для негативов, везде лежат оригиналы, т. е. рисунки и фотографии, которые надо снять для изготовления клише.

Оригиналы бывают разные. Те оригиналы, которые нарисованы черной тушью, линиями, штрихами (штриховые оригиналы) легко снять и сделать с них клише. Но как быть с оригиналами, если это фотокарточка или рисунок, исполненный кистью с разведенной краской? Там чернота не везде одинакова, местами светлее, а местами темнее; рисунок состоит, как говорят, из полутонов. Давно догадались, что такие полутона можно получить из маленьких черных точек; там, где такие точки крупнее и гуще—будет темнее, а где точки поменьше и пореже—светлей. Попробуйте сами пером натыкать много точек; вы легко увидете, как из них образуются полутона. Подобные полутонные оригиналы снимаются через особую сетку, которая разбивает оригинал на ряд отдельных точек. Такие клише в отличие от штриховых так и называются: сетка.

Посмотрите теперь на картинки в этом журнале; я уверен, что вы сразу отличите, где „штрих“,



Найдите глаз.

а где „сетка“. Посмотрите на „сетку“ повнимательней (хорошо бы через лупу): вы на самом деле увидите сетку из маленьких точек, они все одинаковой черноты, но зато разной величины, отчего и получается изображение.

— Дззз...—вдруг загудели электрические фонари (вольтовые дуги), которые как часовые стоят с обеих сторон фотоаппаратов, и вспыхнули ослепительным лиловатым светом. Это фотограф освещает оригиналы при съемке (или, выражаясь по ученому,—экспозиции). После съемки фотограф идет с кассетой (плоский ящик, в котором находится фотопластинка во время съемки) в темную комнату, где светится тусклая оранжевая лампочка. Здесь он проявляет и закрепляет негатив, обливая его разными растворами и споласкивая водой.

Готовый, высушенный негатив передается в копировальное отделение куда и мы пойдем. Здесь, как пишут поэты, царствует полумрак, в котором поблескивают на-ять отшлифованные пластинки цинка. Рабочие часто смотрятся в такие отшлифованные пластинки, вместо зеркала. Копировщик берет такую отшлифованную пластинку цинка, обливает ее светочувствительным слоем, берет негатив, берет копировальную раму, берет... впрочем, больше ничего не берет, а плотно-плотно прижимает в раме цинк к негативу и освещает раму такой же вольтовой дугой, какая была в фотографическом отделении. Лучи электрического света (можно и солнечного, но мы еще не научились включать солнце, когда нам угодно), благополучно пройдя через прозрачные места негатива, подействуют на светочувствительный слой цинка, на котором и получится рисунок. Таким образом негатив скопировался на пластинку, которая теперь так и называется—копия. Не знаю как вам, а мне все понятно.

Теперь с копии нужно вытравить лишние места, для чего она передается в травильное отделение. Мы не испугаемся такого страшного названия и пойдем за ней.

Здесь копия подвергается всяким мучениям, ее запыливают смолистыми порошками (чтобы защитить нужные места от действия кислоты), травят азотной и соляной кислотой и жарят на медленном огне, т. е. подогревают на плите, снова травят, снова подогревают, и так ее пытают до тех пор, пока не стравятся все лишние места и останется только рисунок из рельефных линий.

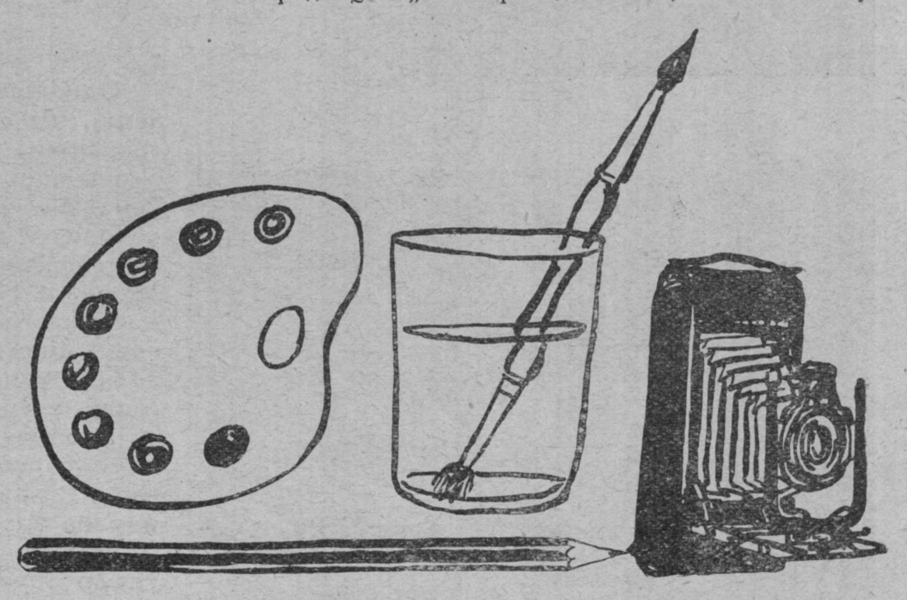
К сетчатой копии относятся с большей жалостью, т. к. она, как мы знаем, состоит из маленьких точек, которые легко могут стравиться и „остаться в кислоте“.

Но пластинка вытравлена и клише как-будто готово. Давайте сделаем с него отпечаток. Видите—тут еще есть много лишних черточек и точек, которые образовались в процессе работы. Такого клише заказчик не примет. Клише надо еще подчистить, для чего в цинкографии есть специальные люди—гравера.

Видите, вот они сидят с лупами, приставленными к глазу, вроде как монокль у Чемберлена, или как у часовых мастеров. Они внимательно и подозрительно разглядывают клише, счищая с него все лишние точки. Из их рук клише выходит совсем чистеньким, нарядным... и все-таки в книгах его еще печатать нельзя.

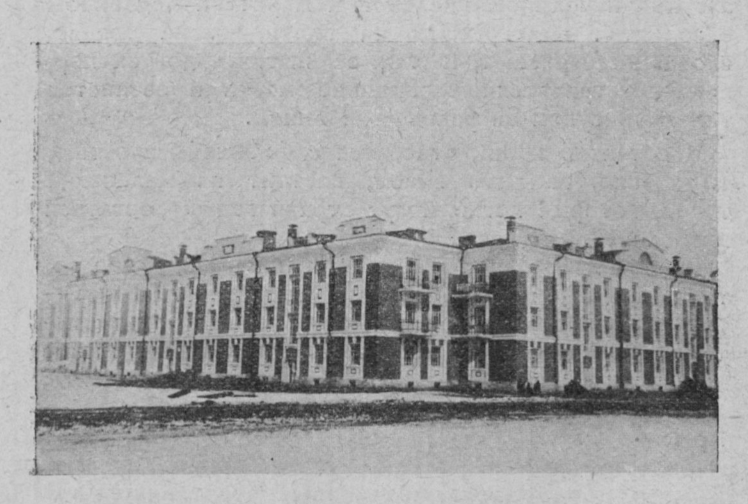
Ведь, клише печатается обычно вместе со всем текстом книги, а тот, кто бывал в типографиях, видел, что книги печатаются с высоких металлических букв, которые немногим ниже спички. А клише толщиной всего с фанеру, и если его вставить в шрифт, то оно будет гораздо ниже шрифта, вроде маленького ребенка в толпе взрослых людей. Для того, чтобы ребенок этот сравнялся со взрослыми, ему надо встать на стул. Вот эту роль стула для клише исполняет дубовая дощечка, к которой клише гвоздиками прибивается. Наколоченное на дубовую дощечку клише имеет один рост со шрифтом. Теперь оно вполне готово и вместе с отпечатками с него дается заказчику.

Вот в основных чертах работа цинкографии. Всех ребят, у которых есть вопросы по этому поводу, которым что-либо неясно, непонятно, прошу написать в редакцию „Пионера“ для меня, и я им отвечу.



Если оригинал выполнен этими материалами, то клише с него делается сеткой.

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЕ ДЕТКОРЫ



Новые дома

Плохо было в Твери с квартирами. Прямо негде жить. Хоть палатку разбивай или караул кричи (Караул потому, что зимой в палатке жить очень неприятно).

Впрочем, в палатке никто не жил и караул никто не кричал: это я так написала. А только действительно жить было прямо таки негде. Мы, например, т. е. мама, я и два брата жили в одной комнатушке.

Но теперь мы живем в новом доме. Дом очень большой, комнаты в нем большие, светлые, теплые. Таких домов выстроили целых восемь штук. Эти дома выстроены для рабочих «Пролетарки». Но я слышала, что и еще будут строить.

Тверь Деткор Валя Щеглова

Долой иголки и нитки!

До сих пор кожу всегда сшивали при помощи иголок и ниток. А приводные ремни—длинными сыромятными ремешками. Это очень долгое дело.

И вот рабочий-шорник А. И. Шумов изобрел... клей для кожи. Он этим клеем склеил приводной ремень, да так крепко, что скорей он в новом месте разорвется, чем в склеенном. Не нужны теперь сыромятные ремешки, не нужны долгие часы работы над сшиванием. Делается все просто: намазал ремень клеем, склеил, дал просохнуть и все.

Теперь уж наверно на всех заводах СССР так будут скреплять ремни.

Тов. Шумов работает в Подольске на заводе «Госшвеймашина», при котором находится наш отряд.

Подольск Пионер «Грек»

«Огонек» на воде

Однажды, купаясь, я увидел необыкновенную вещь. Ту самую, которую вы увидите на фотографии — водяную дрезину. Построена она очень здорово — две лыжины, а на них цепи, передачи и два колеса, как на пароходах. Сидит человек и вертит руками ручки и дрезина двигается. Двигается она довольно быстро, быстрее лодки, а главное — очень интересно. Мне эта дрезина так понравилась, что даже не заметил, где у нее руль и как им управлять. Потом только узнал, что руль, как ему и полагается — сзади, а управляют им ногами.

Изобрел эту штуку рабочий силовой станции цементного завода товарищ Денисов. Он слесарь. И назвал свою дрезину «Огонек». Если бы нам на звено таких парочку!

А впрочем я попробую сделать с ребятами такую дрезину.

Новороссийск Пионер В. Шишкин

Необыкновенная хлебопекарня

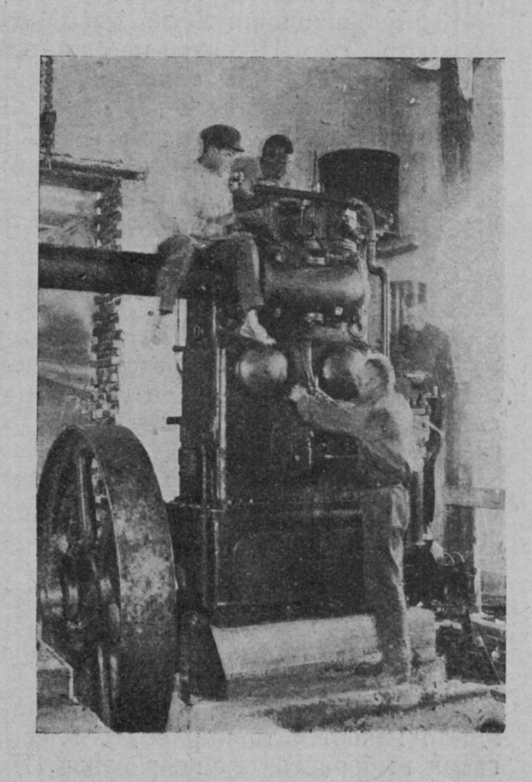
Во время демонстрации МЮД'а наш отряд забрел в ту часть города, в которой я еще никогда не был. И вот вдруг вижу — стоит завод. Особенного ничего я сперва не заметил. Но когда взглянул на надпись на воротах, то очень удивился и заинтересовался. Написано было: ХЛЕБОЗАВОД-АВТОМАТ «ДЕСЯТИЛЕТИЕ ОКТЯБРЯ». Узнать мне удалось про этот завод очень немного. Ежедневно на нем выпекается 200 тонн хлеба, работает на нем 280 человек. На заводе введен семичасовой рабочий день. Вся работа автоматизирована. Даже грузят хлеб на автомобиль автоматически.

Вот пока все, что я узнал. Но я обязательно организую туда экскурсию, познакомлюсь с заводом как следует и тогда напишу целый очерк.

А Митю (наш вожатый звена) попрошу снять самое интересное.

Ленинград — Деткор «Ким»

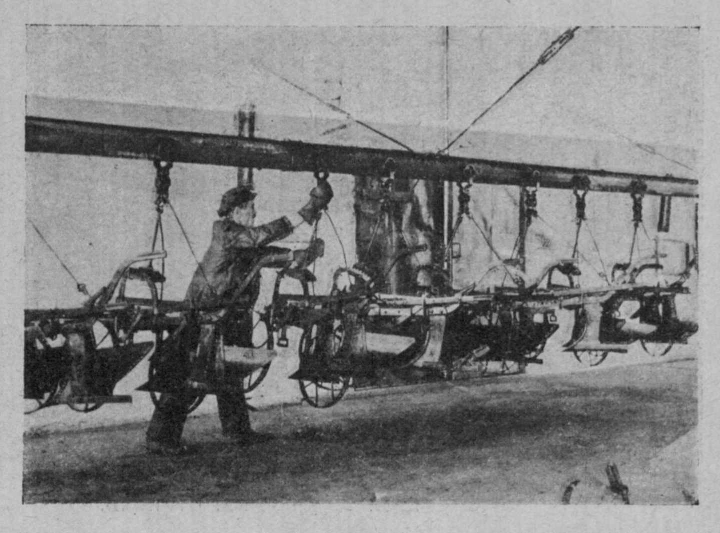
Почетный пионер



На станции Целина, на Северном Кавказе, в июле достраивался элеватор. Элеватор этот строился для колхоза «Гигант». Так вот на элеваторе поставили дизель (дизель — это двигатель внутреннего сгорания) и назвали его «Пионер». Правда, металлических пионеров я раньше никогда не видел. Но это все-таки очень хороший пионер — здорово работает, так что я думаю, нам надо принять его в свое звено. Вот только галстук на него не наденешь!

Колхоз «Гигант» — Деткор В. Зубов

I × 190



Я учусь в фабзавуче на плужном заводе им. Колюнченко. Поступил только в этом году, совсем недавно. Завод меня очень заинтересовал: и работать интересно и завод интересный.

До революции завод выпускал всего 1 000 плугов в год. Революция помножила это количество на... сто девяносто!!! Еще в 1927/28 году завод дал 10 000 плугов, а в 1928/29 - 190 000!

Как произошло это головокружительное умножение? Очень просто: во-первых, завод переоборудован и, во-вторых, этого хотят сами рабочие завода. Вот что я узнал в завкоме: себестоимость снизилась на $1^1/_3$%, прогулы за год снизились с $2^1/_2$ до $1^1/_2$%, а производственная программа выполнена на 107%.

На заводе очень много интересного, например, крашеных плугов никто теперь, как раньше, в сушилку не таскает, они сами туда едут на конвейере.

Много еще есть интересного на заводе, всего не опишешь... И я очень доволен, что попал на этот завод. Я думаю, что, если бы сюда попала Шура Климова, то она очень скоро перестала бы думать о мировой славе и о своих миллионах, потому, что дело-то очень увлекательное.

Челябинск — Деткор «Плуг»

ПИСЬМА ИЗ СОЛИКАМСКА

От нашего специального корреспондента Е. ХАЗИНА

ЧИГАГА

Когда местных жителей расспрашиваешь о Соликамске, они, широко улыбаясь, говорят:

— О, это наша Чи́гага.

Когда же с изумлением спросишь, что такое Чи́гага, то услышишь в ответ:

— У американцев своя Чи́гага, а у нас своя.

И тогда начинаешь понимать, что это знаменитый американский город Чика́го, славный своими гигантскими небоскребами и богатейшей промышленностью. Так назвал Соликамск, рисуя будущность округа, какой-то хозяйственник и это крепко засело в памяти его слушателей. Но неведомыми судьбами Чика́го превратился в Чи́гагу.

И вот какова эта Чи́гага.

Железнодорожная ветка из Усолья открыта в прошлом году. Товаро-пассажирский поезд в составе 40 вагонов тащится убийственно медленно: 30 километров 2—$2^1/_2$ часа. Так и хочется спрыгнуть и бегом обогнать его. В Соликамск поезд приходит поздно. Тьма кромешная. Под ногами грязь. Станция—три вагончика. Пассажиры подвергаются нападению невидимых в темноте людей. Они кричат:

— Едем, едем... довезу!

Ага,—извозчики...

Держа за рукав того, голос которого внушает наибольшее доверие, проталкиваешься за ним к лошадям. Шум, гам, толкотня... Наконец, раздается повелительный голос:

— Влезай!

Рука нащупывает какое-то плетение. После нескольких ободряющих слов извозчика догадываешься, что это и есть пролетка—поставленная на деревянный ход плетеная корзинка. Прыгаешь—и падаешь на устланное сеном дно.

Лошадь дергает и, под молодецкий свист ямщика, вырывается из гущи пролеток, лошадей, людей, корзин и чемоданов.

Дорога изрыта колдобинами. Корзинка размашисто качается то вправо, то влево, ежеминутно грозя выбросить седока в грязь. Ямщик—четырнадцатилетний парнишка, тонущий в отцовском зипуне и налезающей на глаза шапке, не унывает и свистом гонит лошадь. В кромешной тьме он не видит и следа дороги. Это не мешает ему, усевшись бочком на козлах, высыпать седоку все городские новости. Рассказ ямщика безнадежно однообразен: драки, скандалы, кражи, ограбления и снова драки и драки.

Глушь, грязь... Грязь невылазная. Улицы тонут в грязи, в грязи живут люди. О гигиене местные жители как-будто и не слыхали. Даже для очистки жилищ от клопов существуют весьма странные способы. Их много; в каждом районе особый—чужим не доверяют, как не доверяют ничему новому и чужому. Вот как, например, выводят клопов в Кизеловском районе. Ловят клопа; его перевязывают волосом, к волосу прикрепляют нитку, к нитке—тонкую, потом толстую веревку и конец ее привязывают к конскому хвосту; лошадь под сильными ударами кнута несется вскачь, унося за собой веревку, нитку, волос и самого клопа, а с ним, следовательно, и всех клопов из дому. Но как бы часто ни повторялась эта операция, кизеловцев, конечно, до крови искусывают клопы.

Едем, все едем. Впереди в высоте, как маяк, светит красный огонек на колокольне упраздненной церкви.

— Где же город?

— А вот он и есть город.

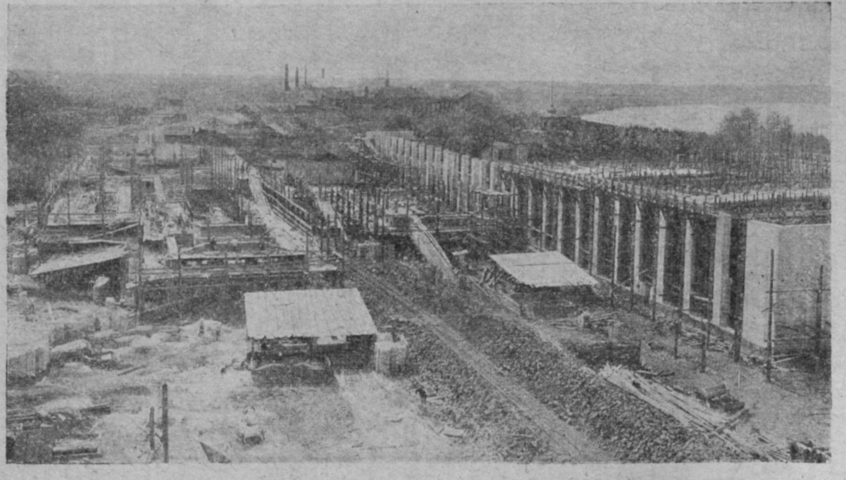
Покосившаяся одноэтажная изба мигает одним освещенным окном. Метров через сто снова такая же изба. Потом расстояние между избами уменьшается. И, наконец, из темноты выплывает двухэтажная кирпичная стройка в лесах, и начинаешь верить в существование города Соликамска. А вскоре это окончательно подтверждает длинный белый дом в красных лентах, по фронтону которого тянется надпись: В.-Камский округ, Исполнительный комитет советов раб., кр. и красноармейских депутатов.

Здесь, в Исполкоме, в экономическо-плановом отделе колонны цифр рассказывают о том богатейшем будущем округа, которое дало основание назвать Соликамск—будущим Чика́го.

Значение богатства края будет понятно, если сказать, что из 450 миллионов, предназначенных в будущем году на капитальное строительство на Урале, на Верхне-Камский округ приходится 115 миллионов рублей.

Промышленное и жилищное строительство идет уже полным ходом. В Березники, Соликамск, Кизел везут строительный лес, цемент, кирпич. Пермская дорога ежедневно перебрасывает на Усолье и Соликамск десятки вагонов с машинами, инструментами, продовольствием и нескончаемый поток людей.

Край нуждается в рабочих руках, в квалифицированной рабочей силе, в техниках и инженерах. И на далекий, сурсвый север все едут и едут. Всех поглощает край, где среди дремучих лесов заново строятся: химический комбинат, содовый



Строится водоносная станция.

завод, мощная солеварня, электростанции, где расширяется существующее производство, прокладываются железнодорожные пути, прорубаются дороги, сооружается гавань, строятся новые рабочие поселки и заново перестраиваются города.

С будущего года на севере округа начнется сооружение канала между Камой и Печорой. А это сильно оживит весь край, сделает Каму полноводной от Печоры до Перми и возродит, существовавшую когда-то на далеком севере металлопромышленность.

И, наконец, здесь, в столице округа—Соликамске—создастся новая отрасль уральской промышленности, которой справедливо гордится советское хозяйство,—добыча камня.

Соликамск, 13 сентября.

ЧТО ЗА КОЛОНКИ

Два маленьких домика уставлены внутри рядами деревянных полок до потолка, на которых, плотно прижатые один к другому, лежат какие-то камни. Почти все они представляют из себя цилиндры различной высоты, иногда различных диаметров, но все насквозь просверлены по середине. На каждой полке лежат сперва цилиндры серые, бурые, потом цилиндры из сильно загрязненных прозрачных кристаллов, а затем начинается длинная вереница камней всех оттенков красного, желтого и молочно-белого цветов, в самых капризных сочетаниях.

Через известные промежутки камни проложены бумажками с надписями: 30,8... 72,4... 105,7... 264,00... и так до 500... 700...

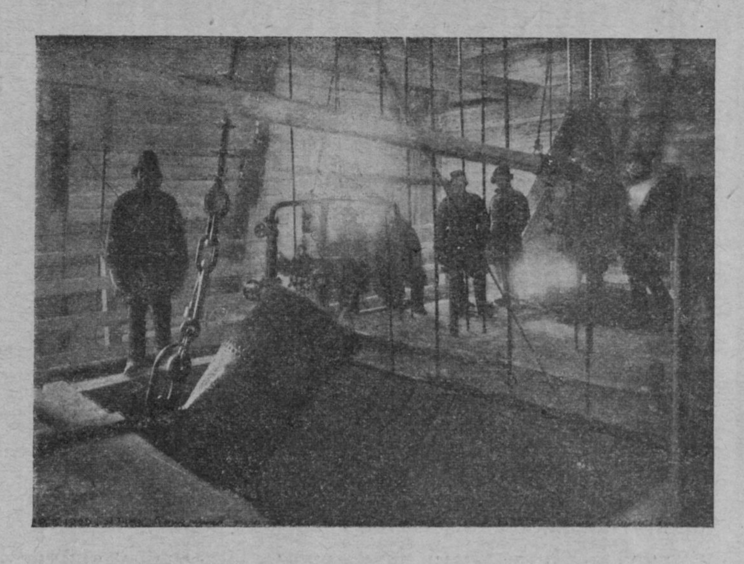
На каждой полке четко обозначено: колонка № 1, колонка № 2... 3, 4, 5 и т. д.

Что же это за колонки? Сколько раз приходилось слышать: «А вы видели колонки?» И вот они перед глазами.

Колонки—это вынутые при геологической разведке из глубины земли куски пород, находящихся на 100, 200... 500 и т. д. метров от уровня почвы. Извлекла их буровая машина, вонзившаяся в землю на несколько сот метров вглубь и вырвавшая при помощи особых труб и особых приспособлений куски пород в том порядке, как они залегают в глубине. Разложенные теперь в точном порядке, они дают полную картину строения почвы на том участке, где производилось бурение.

Таким образом, разведка допыталась, что на большом пространстве в Березниковском, Соликамском районах и дальше к северу за мощными пластами глинистых пород, серых и бурых, лежит каменная соль, то сильно загрязненная, то в чистых прозрачных кристаллах. Это не было новостью: соляной промысел существует в этих местах около 600 лет. Но за каменной солью, еще глубже, пошли новые породы, невиданные еще в этих краях: окрашенные в кроваво-красный цвет карналиты—порода с небольшим содержанием калия. Разведка пошла еще настойчевее и, наконец, на большей глубине, добралась до пород тоже окрашенных в красные цвета, но другого оттенка и другого строения, чем карналиты. Это был сильвинит—каменная соль со значительным содержанием калия, проступающего молочно-белыми пятнами.

О существовании калия в этих краях было давно известно, но очень смутно. Да и никто этим особенно не интересовался. Чтобы пробиться к калию, нужно было пройти 100—200 и более метров сквозь глинистые водоносные породы. Врубаться в глубь шахты казалось невозможным: все равно подпочвенные воды, обильные в верхних глинистых слоях, размоют породу, завалят и затопят шахту до того, как можно будет достигнуть нужной для промысла глубины.



Калийный рудник. Приемная площадка.

Так смотрели и научно-горняцкие силы, с явным недоверием встретившие проекты первого исследователя—профессора Преображенского, настойчиво твердившего о громадных калийных богатствах и о необходимости во что бы то ни стало начать их разработку.

Весть о нахождении калия всполошила весь мир. Особенно взволновались Германия и Франция—единственные страны, имеющие в значительных количествах калий и снабжающие им все другие государства (Германия добывает 72% всей мировой добычи калия, а Франция—23%). Такого же мощного месторождения калия, какое, по предположениям разведки, оказалось в Верхне-Камском округе, ни у кого из них нет и в помине.

А в СССР эта находка заставила встрепенуться всех хозяйственников. Советское хозяйство получает ценный продукт, необходимый внутри страны, могущий дать выгоды при вывозе его заграницу.

Ученые считают, что повышение урожая находится в зависимости на половину от способа обработки земли и на половину—от применения искусственного удобрения. То, что наше сельское хозяйство почти не употребляет искусственного удобрения, ежегодно лишает страну на много сотен миллионов рублей зерна.

И, наперекор всем сомнениям, недоверию и усмешкам, правительство СССР ассигновало крупные суммы на создание калийной промышленности.

А в двух километрах от Соликамска за два года вырос первый рудник, окруженный со всех сторон лесной чащей. Двумя шахтами он врезается вглубь земли. С громадным риском, с небывалым упорством, медленно, шаг за шагом горняки пробиваются в глубину, чтобы в первый же год эксплоатации шахты дать 30 тысяч тонн калия, в конце пятилетки—полтора миллиона тонн калия и на шестой год—$2^1/_2$ миллиона тонн калия.

Соликамск, 14 сентября.

ЗАКАЗНИКИ И ЗАПОВЕДНИКИ

Очерк ЛЕСНИКА

Для охраны зверей и птиц в некоторых местах запрещается охота. Если охота запрещается областным исполкомом ненадолго, в небольшом уголке — это заказник, а навсегда, на большой площади, Совнаркомом—это заповедник.

Заказников много. Года два назад „заказана“ всякая охота на водоплавающую и болотную дичь в местности Загубье. Это обширные болота при впадении р. Свирь в Ладожское озеро. Неисчислимыми табунами летали тут гуси, лебеди, утки, кулики, гнездились в камышах и попадали в беду: к их гнездам подходили, подплывали промышленники и собирали столько яиц, что нагружали ими лодки. Птиц, защищавших свои гнезда убивали, утят, гусят ловили собаками. И поредели птичьи стаи, начал затихать разноголосый крик, когда-то несмолкавший над водяной гладью Загубья.

Лось пробирается по лесу.

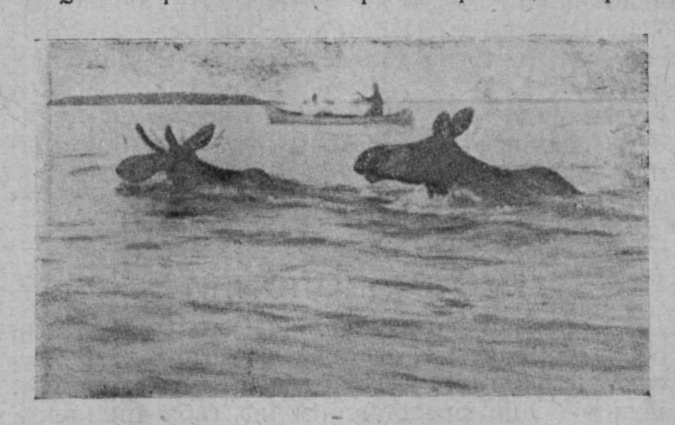
Стоп! Нельзя никому ни стрелять, ни ловить птиц, ни яйца собирать по всему Загубью: заказ. И дело уже поправляется.

Недалеко от Ленинграда недавно водились лоси. Огромные, рогатые, осторожные, чуткие они представляли заманчивую добычу для охотников. Этакий бык весит до 300 *кг*. Есть из-за чего побегать за ним целый день, выследить, перехитрить, подобраться к нему и повалить меткой пулей. Повыбили лосей. Но там, где любили они пастись, среди старого глухого леса, близ деревни Копарье, объявлен заказ: впредь до разрешения запрет охоты на лосей. И вновь уже можно видеть, как зимой сквозь чащу пробирается осторожный зверь.

Лоси отлично плавают и там, где их много, не редкость подсмотреть, как они переплывают через широкую и быструю реку.

Заказан для охотников остров Кильдин в Белом море: там берегут песцов и лисиц. На острове Ильмень выделен участок: там заказник для охраны водоплавающей дичи. В ближайшем же будущем намечено по одной только Сев.-Зап. области до 300 заказников.

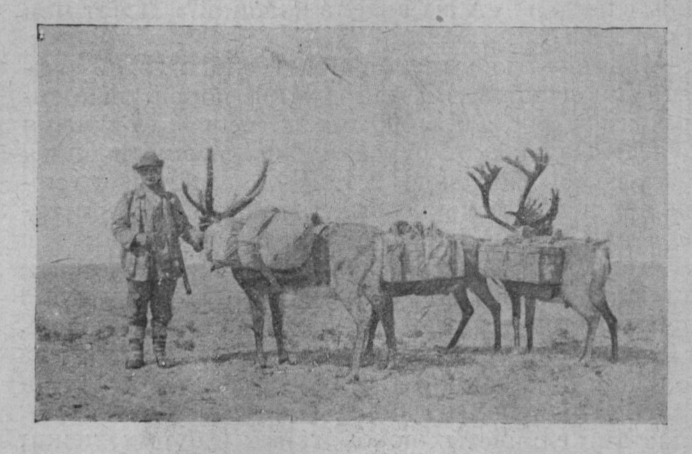
Заповедник—дело сложное, большого общегосударственного значения. Баргузинский заповедник—это целый край. В нем горные хребты, покрытые



Лоси плывут. Летом они без рогов.

девственным лесом, в нем широкие быстрые реки, стремительные, прозрачные, шумящие водопадами.

Потребовалось снарядить особую экспедицию[1] для определения границ Баргузинского заповедника, потребовалось несколько лет напряженной работы по исследованию его разнообразной жизни. Кроме соболя, драгоценного пушистого зверька, там много крупного зверья: медведи, лоси, козы, кабаны, рыси, волки, лисицы. И население там живет охотой. Надо было выяснить, как сделать, чтобы и соболя сохранить, и охотников направить в другие места, не лишая их промысла. Экспедиции плыли по рекам на лодках.



Вьюки на оленях.

Без дорог по тайге

Пробирались без дорог по тайге. Оружие, припасы, инструменты везли на мелких лошаденках: крупная не пройдет.

[1] Материалы Баргузинской экспедиции Г. Г. Доппельмаира, Ленинград 1926 г., издание Госплана БМ АССР.

Там, где никакая лошадь пройти не может, по каменистой обрывистой тропинке как-то цепляется острыми копытами олень.

Ехали верхом на оленях, тащили на себе кладь, переходя вброд шумные пенистые потоки.

Тунгусы, буряты, русские поселенцы издавна привыкли к вольной охоте на мелкого зверя в любое время.

Хитрая избушка.

Как оградить заповедник от таких охотников?

Загородку на тысячи километров не поставишь, да и не остановит она полудикого человека. Нужна стража. Ей необходимо жить на путях в заповедник, постоянно следить, не пришла ли партия „соболевщиков“.

Трудно поселиться в дебрях тайги. Сначала рубят „хитрую избушку“—кое-как перезимовать первую зиму.

И живут в глуши, в безлюдьи, ловят зверье, ухитряются выкармливать не только медведей, оленей, но даже соболей.

Приблизительно 200 000 гектаров занимает площадь Баргузинского заповедника; с севера, с юга, с востока ограничен он горными хребтами, а с запада озером-морем Байкалом. Это лесной заповедник севера с морозами и снегами.

Под жаркими лучами южного солнца также есть заповедники: Крымский горный для охраны пятнистого оленя и степной Чапли, давно прославленная Аскания-Нова.

(Продолжение в след. номерах).

Учимся смотреть

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

В журнале «Пионер» № 10 была напечатана статья «Умеете ли вы смотреть». Благодаря полукочевому образу жизни моего отца, занимающемуся обработкой крестьянских овчин в разных местностях нашего Советского Союза, не считаясь с такими переездками, как Енисейская губ. и Черноморский окр. Сев. Кавказа, мне, во время этих скитаний с моим отцом пришлось очень много видеть и об этом я и хочу написать.

Вдоль линии б. Алтайской ж. д. между ст. Аул и Бель-Агачь, в лесу Локтевского каз. лесничества, в 15-й линии ж. д. имеется очень большой слой БЕЛОЙ ГЛИНЫ, которую крестьянки окрестных деревень копают и употребляют на побелку своих изб. Глина белизной не уступает первосортной извести, залежи ее очень значительны—от дер. Петровка и до села Камышина, т. е. на протяжении 48 километров. Глина находится почти на поверхности и слой ее имеет толщину около метра и более.

По правую сторону ж. д., считая направление на Семипалатинск, тоже есть ГЛИНА, НО РАЗНОЦВЕТНАЯ, ВСЕХ ЦВЕТОВ: ГОЛУБАЯ, ЗЕЛЕНАЯ, ЖЕЛТАЯ, БЕЛАЯ и ОРАНЖЕВАЯ, есть алебастр. Но особого рода АЛЕБАСТР имеется в 7—8 километрах от ст. Аул, около Киргизского аула, в конце небольшого озера, и также почти на поверхности и в глуби—алебастр, который киргизы называют—СЕЛИТРОЙ. Почему они его так называют—сказать не могу. Возможно от содержащегося в алебастре в значительном количестве ФОСФОРА.

Далее в 10—12 километрах от с. Усть-Белого, по берегу реки Белой, впадающей в р. Чарыш (приток р. Оби), имеются запасы УГЛЯ, очень крепкого и темного на вид. Его брать можно на поверхности земли. Каковы его запасы сказать не могу.

По незначительной речонке Золотухе, в 12—15 километрах от с. Моралихи, бывш. Покровского района, в Каменных сопках слабого камня имеются ЗАПАСЫ ЗОЛОТА. Раньше был небольшой золотоносный рудник Алтайского горн. округа, который более ста лет не разрабатывается, но содержание золота значительное. Ближайшая ж. д. ст. Шипуново Алт. ж. д. в расстояние 106 километров. Все это в Рубцовском. И глина в Семипалатинском окр.: неподалеку одно от другого по одной ж. д.

Адрес: с. Моралиха, б. Покровского р-на, Рубцовского окр. Сибкрая.

КОЛЯ КОЛЕСОВ

Редколлегия: И. ЖЕЛОБОВСКИЙ, Б. ИВАНТЕР, И. РАЗИН, И. ХАЛТУРИН, М. ЭПШТЕЙН. Ответственный редактор И. РАЗИН

Москва. Главлит А 48940. Изд. № 3765. „Мосполиграф“, 16-я тип., Трехпрудный пер., 9. 30.000 экз.

Цена 20 коп.

БЮРО ОБСЛУЖИВАНИЯ

1. Кто такой Коперник?
Ленинград Г. Майлицев

1. Коперник был великий астроном, который первый доказал, что земля и другие планеты вращаются вокруг солнца, а не солнце с другими планетами вокруг земли, как это думали раньше. Родился Коперник в 1473 г., а умер в 1543 году.

2. Как поступить в авиашколу и где они находятся?
с. Жарынь, Смоленск. обл.
З. Будаев

2. В авиашколу принимают исключительно трудящуюся молодежь. Для поступления в школу требуются знания 5 групп семилетки и главное, безупречное здоровье. Нужны очень хорошие сердце, легкие, глаза. Школы есть в Ленинграде, Севастополе, Пензе и др. городах. Но сами они приема не производят. Туда командируют районные и областные комитеты Осоавиахима.

3. Как самому сделать телефон?
с. Белая Глина, Сальского округа В. Перекалин

3. Устройство телефона довольно-таки сложно. В несколько строках дать описание, как сделать телефон, нельзя. Советуем тебе выписать книжку: «Самодельный телефон» (из серии «Для умелых рук»). Выписывай по адресу: Ленинград. Внутри Гостиного двора, 118, Научн. Книгоиздат. (Ц. 30 к.).

4. Сколько городов в Советском Союзе?
Умань Х. Гринберг

4. По переписи 1926 года в настоящее время по нашему Союзу городов насчитывается 712, считая города с населением не меньше 5 тысяч человек.

Мы помещаем рисунок деткора Россихина, который интересно изобразил, как он представляет себе строительство. Россихину только нужно знать: рисовать как он пишет, „со своей выдумки",—это совсем не то, что рисовать с натуры.